

Семейное проклятие

Автор:

Анна и Сергей Литвиновы

Семейное проклятие

Анна и Сергей Литвиновы

Аля долго привыкала к новой жизни. Ей пришлось скрыться из Москвы, сменив скромное место учительницы на должность директора частного детского сада, и у нее получается вести свой бизнес! В личной жизни тоже приятные перемены – внимания Али добиваются сразу трое мужчин: врач Николай Алексеевич, блестящий теннисист Кирилл, ее бывший муж Вася... Но она рано радовалась: в ее садике начало происходить одно ЧП за другим. Что это – черная полоса совпадений или злая воля тайного врага?.. Хотя Аля вернула все потраченные на дорогостоящую процедуру деньги, Вера не собиралась прощать бывшую подругу. Сначала согласилась стать суррогатной матерью для ее ребенка, а потом наотрез отказалась отдать его родной матери! Вера терпеливо ждала своего часа, зная – рано или поздно она отберет у Али свою дочь. Чего бы ей это ни стоило!

Анна и Сергей Литвиновы

Семейное проклятие

Аллу Сергеевну из роддома никто не встречал.

Она шла с розовым свертком в руках и старалась улыбаться. Пока пробиралась сквозь толпу свежее испеченных пап, дедушек, бабушек, тетей, пока одиноко брела к стоянке такси, машинально отметила: прямо у входа в роддом припаркована новенькая иномарка. Перевязана яркой лентой, бантик венчает огромная открытка: «Спасибо за дочь, любимая!»

А вот Але – автомобилей в честь рождения дочери не дарили. И вообще ее ребенку никто не рад. Только она сама любила крошечный – всего два с половиной кило! – сверточек так, что дух захватывало. И, хотя слезы застилали ей глаза, Алла Сергеевна упрямо бормотала про себя: «Ничего, малышка! Мы с тобой обязательно прорвемся!..»

Идти ей было тяжело. На плече – огромная сумища с вещами, на руках – младенец. А дальше будет еще круче. Надо забрать старшую дочь и оставшиеся пожитки, добраться с двумя детьми на руках до Калядина – за пятьсот километров от Москвы. И некому, совсем некому ей помочь. Спасибо подруге Мухе, что она хотя бы Настеньку приютила на время, пока Аля была в роддоме.

Впрочем, Муха – удивительное создание. Хотя сама совсем недавно родила – да еще сразу троих, – сумела хотя бы дома организовать Алле Сергеевне торжественную встречу. Праздничный торт испекла. И огромная связка надувных шариков была – на каждом надпись: «С новорожденной!» Роскошную люльку-переноску купила: «Чтобы малышка до Калядина со всем комфортом добралась». И все извинялась, что к роддому не смогла подъехать.

– Но к поезду я вас обязательно отвезу. Мужа уже обязала: он с детьми посидит.

Вот молодчина!

Порхает от младенца к младенцу (кому соску дать, кому нос вытереть), между делом успевает накрывать на стол, разливать шампанское. («Нам с тобой, кормящим, по пять капель даже полезно!») Болтает без умолку:

– Главное для нас, молодых мамашек, заранее не паниковать. Я, например, ужасно переживала: как ходить по магазинам с тремя ляльками на руках? Но быстро приноровилась – все теперь заказываю по Интернету, очень удобно!

И когда в дверь позвонили, попросила подругу:

– Открой, пожалуйста. Это, наверно, подгузники привезли. Я и на твою долю тоже заказала.

Аля поспешила в коридор. Действительно, курьер. Однако в руках не памперсы – всего-то длинный белый конверт. И адресован не хозяйке квартиры, не Мухе – но Алле Сергеевне Кузовлевой.

Она с опасной взяла письмо. Кто-то ее поздравляет? Но кто? Да и выглядит конвертик совсем не празднично.

Впрочем, чего гадать? Аля вскрыла письмо, и в руки ей упал отпечатанный на принтере текст: «РЕБЕНКА Я ВСЕ РАВНО У ТЕБЯ ОТБЕРУ».

* * *

Кириллу Бодрых опять пришлось срочно улетать. В этот раз на турнир в Лугано. Хотя «пришлось» – неправильное слово, конечно. Повезло, выпало счастье! Молодой человек до сих пор иногда в день вылета за границу просыпался, и паника охватывала: вдруг его новая жизнь – всего лишь сон? И как же радостно было, когда приходил в себя и понимал: все правда. Вот дорожная сумка, на тумбочке паспорт с открытой шенгенской визой. А ведь каких-то полгода назад он и помыслить не мог, что станет играть за границей. Сейчас же взлетел в рейтинге настолько, что уже и выбирать мог: отправиться ли ему в Швейцарию пробиваться через квалификацию на турнире второй категории, или лучше в Милан на соревнования попроще, зато сразу в основную сетку.

Кирилл пока не дорос до статуса «надежды российского спорта», и журналисты им особенно не интересовались. Тренер, дядя Митя, усмехался:

– И слава богу, что не лезут. Сколько бывало случаев: темная лошадка выиграла турнир. Ажиотаж, автографы, интервью. А дальше все от него ждут новых побед. Он боится не оправдать надежд. И готово дело, перегорает. Лучше уж, как у тебя. Потихоньку, полегоньку. Турниры четвертой категории освоил, теперь старайся в тех, что рангом повыше, хотя б до четвертьфинала доходить.

И Кирилл прилагал все силы. Тренировался гораздо больше, чем с прежним тренером, практически на износ. Но – удивительно! – хотя уставал ужасно, получал от тенниса куда больше удовольствия, чем раньше. И ни капельки не надоедала ему игра. Мог после изнурительного дня на корте вернуться домой, поваляться полчаса перед телевизором, а потом вдруг руки сами тянулись к

ракетке. Повторишь на сон грядущий раз сто имитацию крученого справа – и на завтра сам чувствуешь: пошел прорыв!

...Он по-прежнему много думал об Алле Сергеевне. Алле, Аллочке. Но навязчивая идея, одолевавшая его с десятого класса – как учительницу завоевать, сделать своей, – несколько померкла. Слишком много и без того битв. Настоящих – на грунте, на траве, на харде[1 - Хард – теннисный корт с жестким покрытием.]. К тому же бабушка уверяла: Аллу сейчас завоевывать вообще бесполезно. Она же только что родила. И теперь – как минимум месяца три – будет приходить в себя. А потом – не меньше, чем на год! – полностью сосредоточится на ребенке.

Что ж, придется ему смириться. Пусть любимая учительница пока отдыхает. А про любовь – они еще успеют поговорить. Потом.

Кирилл был бы счастлив обеспечить Алле Сергеевне комфортное, уютное, бездельное бытие. Благо деньги – тоже в последние полгода! – в руки сами текли. По меркам спортсменов «большой сотни» зарабатывал он на турнирах гроши. Но для него и тридцать штук долларов в месяц – самое настоящее богатство. Да, приходилось платить дяде Мите, тренеру по физподготовке, за аренду кортов, за гостиницы и билеты... Но все равно тысяч десять – чистыми! – оставалось. К тому же удалось заключить контракт с производителями ракеток. Денег те не платили. Зато на инвентарь – тоже серьезная статья расходов – теперь тратиться не надо.

– А будешь стараться, уже через год станешь миллионером, – предрекал дядя Митя. – Долларовым.

Просто дух захватывало у Кирилла от таких перспектив!

И разве можно ему – почти богачу! – допустить, чтоб любимая женщина, еще совсем слабенькая после беременности и родов, хлопотала с собственным бизнесом?

Но бабуля на пару с Аллой Сергеевной уперлись. Они – открывают малое предприятие. Да какое! Детский сад. Да еще в его родовом гнезде. Ничего себе перспективка!

Пусть Кирилл приезжал в Калядин нечасто, но всегда отдыхал там – будто у него полноценный отпуск. Бабушка откармливала вкусностями, ревностно берегла его сон. Аля – хоть и нет пока меж ними страсти – всегда, когда видела его, расцветала. Сколько переговорено было – у камина в гостиной, на тихой кухоньке, под крышей в зимнем саду. А теперь кругом будут дети болтаться, визг, писк, не поспишь, перед теликом нормально не расслабишься.

Но, как ни пытался он бабулю отговорить, та стояла на своем: малому предприятию в их особняке – быть. Причем в самое ближайшее время.

– Пойми, – втолковывала она внуку, – это твоей любимой Аллочке в первую очередь и нужно. Чтоб она не чувствовала, что на нашей шее сидит, не корила бы себя.

– Да у нее ж учеников куча! Кто мешает, если ей обязательно собственные средства требуются, уроки давать? В охотку, по паре часов в день?

– Ты же сам знаешь, – вздыхала бабушка. – Але нужны деньги совсем другого порядка. Не успокоится она, пока Николаю Алексеевичу долг не отдаст. Не понимаешь, что ли?

– Можно подумать, вы на вашем садике сто семьдесят тысяч долларов заработаете! – усмехался Кирилл. – Да ни в жизнь! – И добавлял покровительственно: – Что вы обе понимаете в бизнесе?

– Ладно уж, не глупее многих, – парировала Виктория Арнольдовна.

– А для бизнеса как раз умными быть не надо! Дела идут у подлых, хитрых, кто умеет лавировать, приспособливаться, – авторитетно заявлял молодой человек. – Вас просто съедят! За месяц!

Но бабулю трудно смутить:

– Пусть попробуют. Да, подличать мы не умеем. Но я, слава богу, в Калядине сколько лет прожила и знакомых имею – сам знаешь, чрезвычайно полезных. Нас и мэрия поддержит, и полиция в обиду не даст.

И столько властности во взгляде, уверенности в своих силах! Будто ей не восемьдесят с хвостиком, а максимум лет тридцать.

В Алле Сергеевне – ради которой, как утверждала бабушка, бизнес и затевался – решимости было куда меньше. Любимая учительница призналась Кириллу, что никогда не любила, не хотела и не умела руководить. И вообще ужасно боится:

– Это ж детский сад, воспитанники – крохи совсем! Представляешь, какая ответственность! Вдруг с лестницы упадут, пожар устроят, да хотя бы просто лоб на горке разобьют?! Как я их родителям в глаза посмотрю, как оправдываться буду?

– Так и в лес его, ваш детский сад! – горячо убеждал Кирилл. – Зачем вам этот дурацкий бизнес?! Живите в свое удовольствие, растите девчонок! Я любую вашу забаву профинансирую. А чтоб не скучно было, можно, например... – он отчаянно искал все новые и новые аргументы, – пока оттачивать на Зоиньке какую-нибудь авторскую методику раннего развития. За годик доведешь ее до совершенства, сама отдохнешь, да и малышка подрастет, – и открывай хоть сад, хоть школу! Я, опять же, еще больше разбогатею, смогу вам и помещение купить, и все, что надо!

Но Аля ласково смотрела на него, восторгалась его идеями – однако твердо стояла на своем:

– Нет, Кирилл. Я переборю себя, справлюсь. Мы с Викторией Арнольдовной все уже решили.

...Молодой человек почти не помнил своего отца, но одна его фраза запала намертво: «Будь, Кирюша, снисходителен к девочкам».

И он отступился. Снисходительно молвил:

– Ладно. Играйтесь.

В конце концов, чем они рискуют? Помещение снимать не надо, покупать дорогостоящее оборудование – тоже. Поймут за пару месяцев, что дело хлопотное, а доходов особых не приносит, и оставят свою затею.

Но, как выяснилось, Виктория Арнольдовна дело планировала вести с размахом. Кириллу совершенно случайно попался на глаза бизнес-план, и он просто опешил: одних развивающих пособий дамы собирались закупить – на сто тысяч рублей. А еще мебель для игровых, ортопедические кровати, инвентарь для детской площадки и спортивного зала.

Кинулся к бабушке:

– Откуда вы на все это деньги возьмете?!

Виктория Арнольдовна невозмутимо пожала плечами:

– А кредиты на что? Сын Венечки, моего хорошего приятеля, – президент банка. Веня уже с ним поговорил, тот пообещал: не откажет.

...Однако Аля – на переговоры Виктория Арнольдовна отправила ее – вернулась из банка грустная.

– Неужели не дал? – нахмурила брови старуха.

– Дал, – вздохнула Аля. – Через неделю деньги на счету будут.

– А что тебя тогда беспокоит? – проницательно взглянула на нее пожилая женщина.

Алла виновато пробормотала:

– Да ерунда, наверно... Этот банкир такое сказал, вроде как между делом... Только бы, говорит, Виктория Арнольдовна протянула все три года, на которые выдан кредит.

– Ну, когда речь идет о человеке моего возраста, опасения естественны, – усмехнулась старая дама. – Чего ты расстраиваешься?

Аля же опустила голову:

- Да я о другом. Меня – совладелицу бизнеса – этот банкир вообще всерьез не воспринял. Зато вас упоминал постоянно: «Придумала Виктория Арнольдовна неплохо. Все у нее должно получиться. Лишь бы здоровья хватило...»

Кирилл – он присутствовал при разговоре – бестактно ляпнул:

- Алла Сергеевна, но это же правда! Вы сами мне говорили, что боитесь руководить, не хотите ответственности.

Она обернулась к нему, глаза несчастные:

- Именно, Кирилл. Я вообще всего боюсь. Ни единого самостоятельного решения не принимаю. Просто плыву по течению, да и все. Ужасно стыдно.

- Ничего и не стыдно! – возмущенно выкрикнул он. – Главное, что подле вас есть люди, которые готовы – да просто счастливы! – опекать, оберегать, помогать!

- Кирилл! – предостерегающе сказала бабушка.

А у Али по щеке уже поползла слеза. Она прошептала:

- Но не могу же я всю жизнь сидеть у кого-то на шее.

Всхлипнула еще горше, закрыла лицо руками. Пробормотала:

- Простите.

Кинулась вон из комнаты.

Кирилл поднялся: бежать за нею. Но бабушка властно положила руку ему на плечо, велела:

- Не надо. Пусть поплачет. Одна.

- Но...

– Оставь ее в покое, – повторила Виктория Арнольдовна. Любовно взглянула на него, пригладила челку, нежно сказала: – Ты у меня уже мужчина. Сильный и мудрый. А девочка наша, Аля, только растет. Давай мы с тобой – взрослые люди! – дадим ей время повзрослеть.

* * *

Леся Бородулина никогда не ставила перед собой сверхзадач. Да, покорять Москву явилась. Но хамских планов – например, чтобы ездить на «Бентли» и поселиться в клубном доме на Остоженке – никогда не строила. Квартирку бы занять – хоть какую! Да и жить как все: по будням ездить в офис, вечера коротать перед теликом. В субботу – с утра в мегамолл, потом в киношку. Изредка – рестораны, театры. Концерты – желательно позвезднее, чтобы потом за бизнес-ланчем молвить небрежно: «Да, Пол Маккартни постарел, прямо смотреть жалко».

Когда Лесе удалось – совершенно случайно! – затащить под венец самого настоящего миллионера, ощущения были, будто у высоченного обрыва стоишь. Красотища кругом, перспектива – аж дух захватывает, но и страшно почти до икоты. Всего один неверный шаг, даже просто неловкое движение – и все, уже летишь в пропасть.

«Ничего! – успокаивала она себя. – Не раскусит меня муженек».

Но только невозможно всю жизнь притворяться паинькой. И так почти два года мучиться пришлось – сначала завоевывала Игорька, потом полгода после свадьбы сидела тише воды, ниже травы.

Будь ее клетка реально золотой — набитой бриллиантами, дорожкой одеждой, поездками на Сейшелы – может, и смирилась бы. Но Игорь то ли скуповат оказался, то ли просто деловой человек не считал нужным ее баловать: зачем, раз жена и так всем довольна?

Поселил ее в Подмоскowie, в скромном домишке. Вместо того чтоб нанять лимузин с шофером, заставил получить права и самой управлять машинкой-букашкой. В рестораны не водил («Ты, солнышко, у меня сама повар – никакому Мишлену не снилось!»). Когда Леся однажды заикнулась про ночной клуб,

вздыхнул: «Заинька, мне ж, к сожалению, не тридцать лет! И даже уже не сорок...»

Кто выдержит такую жизнь?

Тем более что дальше перспективы вырисовывались еще мрачнее. Чтоб покрепче Игоря к себе привязать, Леся, конечно, организовала ребеночка. В плане женитьбы – помогло, в загс отвел почти сразу. Но их общее будущее свежеиспеченный муж расписывал такими красками, что Лесю в дрожь бросало: «Няню брать не будем – у тебя с малышом у самой все получится замечательно, я уверен... Ездить за границу пока не станем – я в этом смысле человек несовременный. Считаю, неправильно, когда совсем маленьких детей за собой повсюду таскают».

То есть: сиди, любимая, в дачном поселке, тряси погремушками, а когда дитя укачаешь – вари борщи.

Можно было бы, конечно, как в страшном сне любого мужчины, после свадьбы быстренько переродиться в стерву. Вытребовать домработницу, няню, кухарку, право мотаться по бутикам да салонам. Игорь, конечно, опешил бы. Но, наверно, смирился бы – как все мужчины.

Однако Леся все ж решила покуда не сбрасывать шкурку скромницы. Тем более что особого проку в сорока (а не пяти) парах обуви она не видела. Да и салоны красоты не слишком жаловала – что хорошего часами лежать без движения и терпеть, как тебе бесконечно гладят-парят-протирают лицо?!

Куда веселее, считала она, когда есть с кем время весело провести.

Кандидатура компаньона — на то время, пока Игорь на работе, – у Леси имелась. Колька, троюродный брат. Шутник, приколист, балагур, разгильдяй, обаятельный, беспечный и вообще самый лучший. Будь у нее поменьше здравого смысла, вообще бы замуж за него вышла (по закону, она узнавала, даже за двоюродных можно). Но только прекрасно видела: дурковать, веселить других и ее Колюня умеет прекрасно. А вот заработать денег, пусть на самое скромное бытие, братцу не дано. Повылетал со множества работ, причем однажды одновременно с увольнением даже прославился. В их районной газете статья вышла с броским заголовком: «ВОДИТЕЛЬ «КамАЗа» НАПОИЛ ЦЕЛЮЮ ДЕРЕВНЮ».

Это о том, как Колька ящики с водкой вез, задремал за рулем да в кювет свалился. Самому ничего, на машине пара вмятин, да и выпивка почти вся уцелела. Но водитель – нет бы принять меры к спасению товара! – беспрепятственно позволил аборигенам попасть на руинах. Беспечные – на месте угощались, предусмотрительные – грузили ящики на тачки да волокли домой.

Колю, конечно, уволили, пытались по суду ущерб взыскать – да что с него возьмешь? Собственностью, а паче того счетами в банке братик не обременен.

Но – в отличие от многих – чужому богатству не завидует. И за Лесю – когда удалось ей зацепиться за Москву, – искренне радовался, хвалил: «Молодец, что сумела свой норв усмирить. Я так не могу».

Сам он оставался в их городке, откровенно бедствовал – куда его возьмут, если ни хватки, ни образования, да еще и репутация соответствующая? Но не унывал. И продолжал прикалываться при каждом удобном случае. Например, когда совсем недолго грузчиком в продуктовом работал, подбросил в ящик с бананами безобидного ужика. Байки потом по всей области ходили – будто ядовитейшая змея черная мамба укусила покупательницу (та скончалась на месте) и уползла (змея, не тетка).

Лесина мать троюродного племянника осуждала: «Паяц он, и больше никто! Держись от него подальше».

Однако Леся на мнение родительницы всегда плевала с высоченной колокольни. Вот и решила перетащить Колечку, свою отдушину, в столицу. Она ведь, в конце концов, жена богача! Имеет право хотя бы на единственного наемного работника.

С Колькой пришлось провести серьезнейший ликбез. Чтоб – когда будет собеседоваться с Игорем, – выглядел исполнительным, туповатым, скучным. Она купила братцу соответствующую одежду (а то с него станет явиться к работодателю в каких-нибудь рваных джинсах да кедах). Организовала трудовую книжку с «правильными» записями. Очень боялась, что Игорек на Колю службу безопасности натравит для тотальной проверки, но нет, обошлось.

Муженек безропотно принял Колю на должность шофера, эконома и «человека за все».

Леся – хотя рада была необычайно! – первое время вела себя осторожно, надменно. Колю, даже когда наедине, называла только на «вы», никаких прибауточек-шуточек, заваливала работой, придиралась. Настолько вошла в роль, что Игорь даже посоветовал:

– Ласточка, когда на тебя работают люди, нельзя слишком уж их прижимать. А то ведь взбунтоваться могут. Как в семнадцатом году.

Но Леся по-прежнему продолжала в присутствии мужа вести себя с экономом сдержанно, строго. Зато уж когда Игорь на работе был – вожжи отпускала. Баловались, дурака валяли, как дети. Коля – человек совершенно без тормозов! (В хорошем смысле, конечно.) То вызовет ее на бой подушками, то попросит пирушку «а-ля грузчик» (то есть порезать на газетке вареной колбаски, закусить огурчиками из банки). Анекдоты травил – она животик надрывала.

Жизнь пошла совсем другая. Если б еще не беременность!

По счастью, Коля – хотя и не скрывал, что в Лесю влюблен, – к Игорю ее не ревновал. И что ребенка она ждет от своего миллионера – воспринял нормально. Шутил: «Лучше уж олигархов плодить, чем таких, как я, раздолбаев».

Все его, казалось, устраивает в нынешней жизни и в нынешнем его положении.

Но Леся все равно иногда задумывалась: как было бы хорошо, если б нелюбимый Игорь куда-нибудь вдруг исчез, растворился... и она бы осталась с Колей – но при этом со всеми мужниными деньгами!

Только как это организовать? Если просто попросить развода, миллионер ни копейки не даст. У них брачный контракт, там условие: чтоб претендовать хоть на малую толику капитала, надо им вместе оттрубить пять лет, целый срок!

Убить? Жаль. Да и страшно. Смерть миллионера, конечно же, будут расследовать лучшие силы милиции, какое ни придумай идеальное преступление – расколуют ее в два счета.

«Вот если бы он в аварию попал! Сам! – фантазировала Леся. – Или вдруг заболел, допустим, скоротечной саркомой, чтоб в никакой Германии помочь не смогли!..»

Однажды не выдержала: поделилась мыслями греховными с Колей. Ожидала, признаться, что тот – как на любую заданную ею тему – начнет дурковать. Фантазировать вместе с ней, как на пути Игоря вырастает цунами или на его голову рушится пресловутый кирпич.

Но брат, против обыкновения, ответил серьезно:

– Леська, даже думать не смей о таких вещах!

– Почему? – надула губки она. Капризно добавила: – Он же достал меня выше крыши, неужели сам не видишь?!

– А я считаю, нормальный твой Игорь мужик, – пожал плечами Николай. – Платит хорошо, не достает, не зудит.

– То есть тебя все устраивает? – ошетибилась Леся. – Считаешь, это нормально, что я нелюбимого ублажаю, танцую вокруг него, кофе в постель подаю, а ты при нас – экономом?!

– Ты вчера и мне приносила кофе в постель! – ухмыльнувшись, напомнил Коля.

По-хозяйски обнял Лесю, примирительно сказал:

– Еще месяц назад, когда меня на работу Игорь взял, ты радовалась: как хорошо все у нас устроилось! Что сейчас-то изменилось?

– Да то, что я – в отличие от тебя! – развиваюсь. Ищу пути, чтоб еще лучше было!

– А я просто радуюсь каждому дню, когда ты со мной рядом, – спокойно ответил он. – Тоже неплохой вариант.

Поцеловал ее – жарко, страстно. У Леси аж в низу живота заныло (и младенец внутри завозился).

Она прильнула к любимому братику, отдалась силе его рук.

Может, и правда без разницы, что Колька – эконом, прислуга?

...Их неправильная – но такая приятная! – жизнь с двойным дном продолжала течь дальше. Вплоть до того ужасного дня, когда Игорь – без предупреждения! – вернулся из Франкфурта. Вместо вторника на два дня раньше, в субботу.

Леся и предположить не могла, что ему такое в голову придет. Прежде-то муж всегда: как сказал, так и сделал. Сообщает утром: «Я допоздна на переговорах». Значит, раньше полуночи не жди. Из командировок всегда являлся точно в день и точно тем рейсом, о каком говорил. А сейчас она ведь и билет видела! Что прилететь в Россию Игорь должен 28 мая, во вторник. Почему ж в подобных обстоятельствах не расслабиться?

И до чего не повезло: явился муж – точно, как в анекдоте! – в самый разгар процесса. Причем они настолько увлеклись, что не услышали, как поворачивается в замке ключ, а по лестнице, что ведет в спальню, шелестят шаги.

...Леся никогда не забудет Игорева лица. Пораженного, обиженного, убитого. Его хриплого от отчаяния голоса. Безднадежной реплики:

– А я думал, ты меня любишь...

Выкручиваться, придумывать оправдания было бесполезно. Молить о прощении, она сразу поняла, – тоже.

Будто за мгновение перед смертью, вся жизнь пролетела перед глазами. Нищее детство, голодная юность, отчаяние первых московских лет. Когда вертелась последней шестеренкой в постылом рекламном агентстве, жила в общежитии в комнате на четыре койки. А потом: крепость по имени Игорь, ее планомерная осада и, наконец, триумфальное завоевание. Сумасшедшее счастье, когда миллионер ставил подпись в загсе, в амбарной книге брачующихся...

Все, получается, было зря.

И ее охватило вдруг такое отчаяние, что в глазах потемнело. Помутнение разума, морок: показалось, что потолок придавил, стены рушатся.

Она вскрикнула, схватилась за грудь.

- Леська! - рванулся к ней Николай.

Но она смотрела не на брата - на мужа. А в лице у того - ни грана сочувствия, одно презрение.

Все действительно было кончено. Она осталась с Николаем. И лишь теперь поняла, что совсем этого не хочет.

* * *

Галина Круглова теперь все чаще и чаще впадала в состояние кокона.

Началось это сразу после смерти любимого сына Митеньки. Чтоб не сойти с ума, она тогда научилась заворачиваться в плед, откидываться в кресле и выключаться из реальности. Полностью.

Раньше ей хватало часа или двух. Потом хотелось есть, пить или в туалет. Но с годами она «достигла совершенства» - целыми днями могла так сидеть, в полузабытьи, в полудреме.

Верочка Бородулина - единственная ее подруга - очень тревожилась. Советовала:

- Вам обязательно нужно показаться хорошему доктору.

Но Галина всегда отказывалась.

Никакой доктор не вернет ей сына. А научиться жить без него невозможно, она уже много раз пробовала.

Раньше Галину хотя бы борьба поддерживала на плаву. Воевала с теми, кто погубил Митю – с педагогами, воспитателями, директором школы. Вела вдохновенную переписку с инстанциями, встречалась с журналистами. Когда в стране происходила очередная трагедия с детьми, телевидение всегда взрывалось ток-шоу. Галину, эталон борца за справедливость, на них частенько приглашали. Потом перестали. Сама Галина считала: из-за того, что однажды она набросилась с кулаками на депутата, который осмелился ляпнуть, будто большинство родителей сами виноваты в том, что их дети погибли.

Впрочем, Верочка Бородулина с ней не согласилась. Усмехнулась безжалостно:

– Не в этом дело. Вы, Галя, просто в зубах у всех навязли со своим Митей. Сколько можно! Успокойтесь уже.

Круглова тогда обиделась. Разрыдалась. Поклялась себе, что никогда в жизни она больше Вере – бестактной женщине! – не позвонит.

И слово держала почти целый месяц. А потом взялась пересматривать Митины фотографии, раскисла и сама даже не поняла, как набрала Верочкин номер, попросила сквозь слезы:

– Ты не можешь приехать?

И подруга явилась – не тем же вечером, конечно, но через пару дней. И было все как прежде: несчастная мать говорила, говорила. Вера молчала, кивала, сочувственно гладила по плечу.

Галине вдруг подумалось – впервые за прошедшие годы: «Я грузю ее своими проблемами уже много лет. А она мне ни на что ни разу не пожаловалась».

Даже побледнела от внезапно нахлынувшего раскаяния.

– Чего вы, Галя? – мягко спросила Верочка.

И Круглова прошептала:

– Да осознала, наконец, что я – дура неблагодарная. Ты со мной возишься, как с дитем малым, а я тебе даже спасибо не сказала. Не то чтоб как-то отблагодарить.

В глазах подруги что-то мелькнуло. Галина поняла: Вера ждала этого разговора.

Но только чем же она – безработная, инвалид второй группы! – может отблагодарить рафинированную, успешную, богатую женщину?!

Только, если...

И Круглова выпалила:

– Верочка, хочешь... хочешь, я тебе квартиру завещаю?

– Галя, ну что вы говорите такое! – возмутилась та. – Вам еще жить да жить!

– Ну, я тебя старше как минимум лет на двадцать, – пожала плечами Круглова.

И, не слушая больше робких возражений подруги, продолжила рассуждать:

– Хотя протянуть-то я могу еще долго, это верно... И завещание оспорить можно по разным причинам, я теперь в судебных делах дока... Слушай! А давай мы с тобой лучше договор пожизненного содержания заключим?

– Это что еще такое? – не поняла Вера.

– Очень удобная вещь. И гарантия, что моя квартира точно будет твоей, – принялась объяснять Галя. – Мы составляем договор. Ты обязуешься, меня содержать, навещать, приносить продукты. Впрочем, ты это все и так делаешь. А я в благодарность оставляю жилье тебе.

Вера вспыхнула:

– Галя, вы меня обижаете! Неужели вы считаете, что я вас ради квартиры опекаю?!

– Нет, что ты! Конечно, нет! – стала утешать ее Галина. – Я понимаю, тебе ничего подобного и в голову не приходило! Но только с какой стати мне допускать, чтоб московское жилье моей двоюродной племяннице из Чебоксар досталось?! Я и видела-то ее последний раз – лет тридцать назад! А ты родной мне человек.

– Ну... – неуверенно пробормотала Вера. – Если вы сами настаиваете, я, конечно, отказываться не буду. Тем более я вам не рассказывала, у меня сейчас с деньгами не очень...

– Значит, решили! – Галя хлопнула ладонью по столу. – Я прямо завтра и начну все документы оформлять.

...В тот момент она не сомневалась, что приняла единственно правильное решение. А как иначе? Верочка Бородулина – действительно ее ангел-хранитель. И единственная подруга.

Откуда было Галине знать, что совсем скоро ситуация изменится. Кардинально.

* * *

Надолго же доктор Милена Михайловна запомнит свою неудачу с пациенткой Бородулиной. А ведь насколько идеально шел протокол! Молодая, здоровая, порядочная, с российским гражданством и московской пропиской суррогатная мать. Беспроблемная беременность.

Но на самом финише разразилась катастрофа. Причем со стороны отнюдь не медицинской.

Суррогатная мать вдруг заявила, что не отдаст биологической матери ребенка.

Ничего, в принципе, нового. Корыстные дамы так иногда делают. Просят: «Дайте надбавку – и только потом я отказ от младенца напишу».

Однако Алла Кузовлева действительно хотела забрать малышку себе.

Она вернула Бородулиной аванс, компенсировала все ее расходы на обследования и протокол – огромную сумму, сто семьдесят тысяч долларов. Забрала новорожденную девочку и покинула Москву. Потеряла в результате дикого своего поступка мужа. Залезла в огромные долги.

Вот и говори после этого, что суррогатная мать – всего лишь инкубатор и голоса крови не существует!

Хотя вины врачей в случившемся не было, Милена Михайловна чувствовала себя неудобно. И не сомневалась: Вера Бородулина в ее клинике больше не появится.

Однако та пришла. Спустя восемь месяцев после неудачи. Как всегда, без предупреждения ворвалась в кабинет.

Милена отчаянно не любила принимать тех пациентов, у кого не получилось. А уж когда они выглядели изможденными, бледными – как сейчас Вера! – спокойного разговора точно можно было не ждать.

Официально считается, что побочных эффектов у ЭКО нет. Однако абсолютное большинство женщин наживали себе после провального протокола ту или иную проблему. Одни жаловались на лишний вес, другие – на то, что редуют волосы или появились акне[2 - Акне – угри, воспаление сальных желез.]. А бессонница или раздражительность так и вовсе терзала всех.

Сами пациентки грешили на гормоны, «которыми их напичкали».

Однако Милена Михайловна считала иначе.

Целый месяц – как минимум! – женщины переживали, надеялись, ежедневно терпели уколы, строили планы, портили десятки тестов, чуть не люльки для будущих младенцев начинали присматривать. И вдруг приговор: все оказалось зря.

Невроз тут гарантирован – это как минимум.

Милена, кстати, попробовала взять в штат психолога. Но – удивительная у русского человека натура! – ходить к нему пациентки отказывались. Хотя даже

платить было не надо, консультации входили в стоимость протокола.

Однако дамы – все, как одна! – самонадеянно заявляли: «У меня с головой все в порядке!»

И вместо того, чтоб над собой поработать или легких антидепрессантов попить – с удовольствием кляли «некомпетентных врачей и проклятые гормоны». Ну и – естественно! – платили огромные деньги трихологам за лечение волос и диетологам за пару скинутых килограммов.

...В упрямое лицо Веры Бородулиной только взгляни, сразу ясно: она уж точно ни к какому психологу не пойдет.

Милена Михайловна кротко склонила голову, вздохнула:

– На что сейчас жалуется, Вера Аркадьевна?

– Хочу знать, что вы со мной сделали? – чрезвычайно сухо произнесла Вера. – Чем залечили?

– Что конкретно вас беспокоит?

– Да я просто в развалину превратилась! – возмущенно выкрикнула Бородулина. – Прошло уже восемь месяцев после вашего проклятого протокола, а я себя только хуже чувствую! С каждой неделей!

Милена не стала напоминать, что во время беременности – чужой – Вера как раз выглядела прекрасно. Благодарно говорила врачу, что летает, будто на крыльях. Да и какая у нее особая нагрузка на организм? Всего-то стимуляция суперовуляции да изъятие яйцеклеток. А дальше – отдыхай, все остальные проблемы на плечах суррогатной мамочки.

Но госпожа Бородулина – истеричка. А также эгоистка до мозга костей. Пока все шло, как она желала, на здоровье не жаловалась. Но едва начались конфликты – сначала с мужем, а потом с суррогатной матерью, – мигом спала с лица. Жаловалась Милене на слабость, головокружение, мигрени, тошноту, тяжесть в ногах.

Ей бы «прозак» попить – нет, предпочитала пачками глушить анальгетики.

И к пресловутым гормонам ее состояние решительно никакого отношения не имело.

Хотя Милена все равно обязана взять у Бородулиной кровь на анализ, сделать УЗИ.

– Какой у вас сегодня день цикла? – поинтересовалась врач.

Дамочки, кто лечится от бесплодия, обычно отвечают на этот вопрос без запинки. Однако Вера отрезала:

– Понятия не имею.

С невыразимым презрением добавила:

– Я все эти ваши календарики еще два года назад перестала вести. Никакого толку от них.

– Но хотя бы примерно? – не отставала Милена. – Начало цикла, середина?

Бородулина задумалась:

– Недели две назад месячные были. А может – три, не помню я!

– Вера Аркадьевна, – не удержалась от упрека врач, – а можно поточнее? Вы же давно лечитесь и прекрасно знаете: кровь на гормоны в строго определенный день цикла сдают!

– Не буду я ничего сдавать, – буркнула Вера. – Слышать уже не могу все эти ваши: ФСГ, ЛГ, ХГЧ. Протоколы, стимуляции. Нет, баста. Никаких больше детей, – в ее голосе прозвучало нескрываемое отвращение. – Сделайте только что-нибудь, чтобы у меня голова перестала болеть! – Она поморщилась.

– Боль где локализуется? – поинтересовалась доктор.

– Да везде! – отчаянно отозвалась Вера. – Как чугунный котел голова! Иногда просто тяжелая, а по утрам еще хуже, просто взорваться готова. И в ушах будто насос работает. Ритмичный такой: раз-два, раз-два.

Милена насторожилась:

– Давление артериальное контролируете?

– Раньше всегда нормальное было.

– Раньше – это когда?

Вера задумалась:

– Ну... у вас и измеряли. В октябре. Перед пункцией.

А сейчас июль.

Удивительная беспечность!

Милена Михайловна тут же нацепила пациентке манжетку тонометра, увидела результат, вздохнула:

– Сто пятьдесят на девяносто.

– У меня всегда сто десять было! – опешила Вера. – Это... гипертония?

– Давайте не будем спешить с диагнозом, – оборвала ее Милена. Попросила: – Сядьте на кушетку, снимите туфли.

Впрочем, отеки у Бородулиной и так видны. Да еще лицо изможденное, серое. И одышка ощутимая. Как она, бедная, живет?

– Вам обязательно нужно сдать кровь. Для начала обычные клинику с биохимией, – безапелляционно произнесла Милена. – А УЗИ давайте прямо сейчас сделаем.

Вряд ли здесь что-то по ее части – Вере, судя по всему, прямой путь к кардиологу, – но нужно подстраховаться.

Бородулина – лицо ее сейчас было не сердитым, как вначале, а очень испуганным – покорно проследовала к аппарату. Расстегнула с видимым облегчением ремень на брюках. Милена увидела на ее животе красную полосу, усмехнулась про себя: почему женщины так стараются обязательно втиснуться в одежду на размер меньше?

Менее агрессивной пациентке она бы обязательно посоветовала не заедать горе пирожными. Или хотя бы покупать более просторные брюки. Но Веру упрекать – себе дороже.

Милена молча взялась за датчик. Приложила его к животу пациентки – и едва сама не свалилась с инфарктом.

Ошибки быть не могло: безнадежно бесплодная Вера Бородулина ждала ребенка. Причем срок гестации составлял как минимум двадцать пять недель.

* * *

На Барбадосе швартовались в семь утра. Остров – окруженный изумрудными лагунами, окаймленный бахромой пальм, расцвеченный яркими пятнами особняков, – величаво выступал из утренней дымки. Ради таких моментов и стоит путешествовать. Но туристы, утомленные ночной дискотеккой и турниром по блек-джеку, даже не думали высовываться из кают. Зато персоналу можно было без опаски выползти на свет божий.

Василий сбежал из своей каморки еще час назад. Хотя на корабле работал уже третий месяц, никак не мог привыкнуть, что его место здесь – на минус третьем этаже, в комнатухе без иллюминаторов, на втором ярусе нар. Соседи – два югослава и киргиз – нещадно храпели. Из кухонного блока уже за час до рассвета тянуло прогорклым маслом.

Куда лучше на палубе, под робким ранним солнцем, в удобном шезлонге. Вообще-то присутствовать на гостевой территории сотрудникам не

разрешалось, но кто его сейчас, когда корабль швартуется, а туристы дрыхнут, заметит?

Хоть почувствовать себя – на полчаса в день! – человеком, белой костью, а не безропотной шестеренкой.

Вася никак не мог смириться с фортеlem, что подкинула ему жизнь. Разве мог он даже в самом страшном ночном кошмаре представить, что придется служить в должности «подай-принеси»?! Ему, блестяще образованному финансисту?!

Он люто ненавидел свой нынешний жалкий статус. Работ на корабле у него было целых две, и обе такие, что в приличном обществе признаться стыдно. Только подумать, «младший официант»! А вторая должность еще позорней, «ученик крупье»! Даже карты сдавать не позволено – приходится стоять на рулетке, проигранные фишки по цвету сортировать.

– Учитесь, Вася, много работайте над собой, и у вас будут иметься блестящие перспективы, – подбадривает его Брендон, менеджер по персоналу.

Что ж, для киргиза из пыльного кишлака лишняя сотня евро к зарплате – может, и перспектива. Но Васю карьера халдея совершенно не вдохновляла. Да и до какой должности он может дорасти? Управлять рестораном – годам к пятидесяти, когда уже гастрит, седины и ничего в жизни не хочется?

То ли дело его прежняя – в России! – карьера.

Вася механически выполнял нехитрые манипуляции, прислуживал – и постоянно вспоминал другие времена. Когда вместо худо скроенной униформы он носил костюм, рабочие часы проводил в собственном кабинете, и даже секретарша у него имелаась.

К тому же тяжело хронически семейному человеку вдруг зажить бобылем. Он скучал о своих девочках. В основном, о дочке. Но и Альку тоже вспоминал. Ее преданный взгляд, вкуснейшие борщи, а какие безупречные стрелки она делала на брюках! (Тут-то гладить приходилось самому, и Вася уже пару комплектов формы сжег – вычли потом из зарплаты.)

Он никогда особенно не любил жену, но прикипел к ней – за десять-то лет! – покрепче, чем мидия к старому пирсу. И сейчас, когда его силой вырвали из уютного лежбища, рвался домой всей душой.

Но только не было у него больше дома. Роль приживальщика при вечно недовольной мамочке Васю решительно не устраивала. А собственную квартиру в столице – единственный капитал их семьи – пришлось продать.

Решение, как говорят, непопулярное. Однако иных – тут Василий был уверен, не было. Лучше уж один раз рубануть сплеча – но единым махом рассчитаться с кредиторами. Если б не решился он на крайнюю меру – жилье все равно бы отобрали. Но не в качестве оплаты долга, а за проценты. В итоге: и бездомный, и кредит на тебе по-прежнему висит.

Только жене – узколобой клуше – никак очевидного не объяснишь. Мать звонила, рассказывала: Алька рвет и мечет. Возмущается, что он посмел продать квартиру без ее согласия, «выбросил дочку на улицу».

Разумное зерно в ее претензиях, конечно, есть. Но только что он может сделать? Это Фархаду хорошо: отпахал на корабле годик-другой, скопил пять штук евро – и покупай в своих степях хоть особняк. А на жилье в российской столице сортировкой фишек в казино не заработаешь. Минимум управляющим игорным заведением надо быть. Но на тепленькие должности, увы, только европейцев берут.

Замутить бы какой-нибудь бизнес! На их корабле (Вася улавливал обрывки чужих разговоров) серьезные люди путешествуют частенько. Швыряют на рулетку стодолларовые фишки в номер и меж собой обсуждают небрежненько растаможку иномарок, экспорт леса, строительство торгового центра. Понятно, что он – без денег, без связей – никому не интересен. Но, если б вдруг появилась у него идея, уникальное торговое предложение... Он, конечно, нашел бы кого новым бизнесом заинтересовать.

Только не приходило ему в голову ничего эксклюзивного.

А чтоб не жить на унижительную зарплату, оставалось лишь всячески развлекать-ублажать-обхаживать престарелых туристок. У них на корабле все, кто мордой и фигурой хорош и по-английски болтает, перед обеспеченными

дамочками стелились. Имели с того как минимум приличные чаевые. Очень часто – подарки. А иных – самых удачливых! – пожилые богачки забирали с собой на полный пансион. Болтали, что некоторым и жениться на обеспеченных дамах удалось. В истории про законные браки и огромное наследство Василий, конечно, не верил. Но один из официантов хвастался, что поплясал недельку вокруг престарелой Джульетты – и опаньки, подарила ему дамочка «Икс-пятый». Не новый – скупердяйка! – но все равно за пятьдесят штук евро удалось продать. А другому шустрику – дорогушие швейцарские часы достались.

Вася пока что ничем таким похвалиться не мог.

Хотя – если бы взял на себя труд понравиться – даже напрягаться бы не пришлось. Он, пусть и пребывал в депрессии, себя не запускал. Когда выдавались выходные (не дни, такой роскоши здесь не бывает, – жалкие шесть часов), обязательно шел в спортзал. Если стояли в порту, спешил на пляж, много плавал. Внешне и не скажешь, что работать ему приходится сутками – загорел, посвежел.

Дамочки бросали на него плотоядные взгляды, самые смелые – открыто заигрывали. Однако Вася вежливо, но твердо отклонял их притязания.

– Дурак! – посмеивались над ним коллеги. – Что тебя смущает? Как минимум бы выпался нормально в каюте люкс, шампанского хорошего попил, закусил ананасом!

Даже Брендон решил, наверно, что официант из России, как при советской власти, «облико морале» блюдет, – однажды обмолвился, что личные контакты с туристками, если они не в рабочее время и по обоюдному согласию, на корабле не возбраняются.

Но Васю смущала не только моральная сторона вопроса. И даже не пергаментная кожа старух, не их руки в некрасивых темных пятнах. Бесила манера, в какой женщины обращались к своим вассалам: «Мой котик, помассируй мне спинку!», «Миленький, не дергай меня, я сегодня не в настроении».

Не привык он – пока! – чтобы с ним в таком тоне разговаривали.

Поэтому редкое свободное время проводил не с отдыхающими дамами, а в одиночестве на гостевой палубе. В укромном шезлонге, между площадкой для крикета и водяными горками. Здесь бы очень понравилось дочери Настеньке. Да и Аля – хотя жена всегда терялась на людях – быстро бы освоилась. На теплоходе к таким, как она, всегда повышенное внимание. Аниматорам даже премии дают, коли тем удастся втянуть робких туристов в бесконечную круговерть activities.

...Василий совсем было улетел мыслями в свою недавнюю, такую счастливую, московскую жизнь. Даже показалось, что чует – очень отчетливо! – запах Алкиных блинчиков.

Интересно, если он теперешний, – гол как сокол – вернется в Россию и бросится к ней в ноги, жена простит?

Сердце подсказывало: коли хорошо покаешься, то запросто. Алька по своему характеру жертва. Станет мыкаться вместе с ним по съемным квартирам, да еще и гордиться собой: что мужа в беде не бросила. «Интересно, – начал прикидывать Василий, – она уже родила злосчастного заказного ребенка? И если да, то куда его дела? Хорошо бы, конечно, чтоб отдала Вере, как планировалось. В обмен на кругленькую сумму. Тогда можно и ипотеку взять. Начать новую жизнь в новой квартире. Уж лучше с привычной, все прощающей Аллочкой – чем ублажать на далеких Карибах несносных иностранок-старух. Впрочем, все. Хватит о них думать даже».

Вася эффектным прыжком вскочил с шезлонга, с удовольствием потянулся. Сегодня – о, счастье! – вахты в ресторане нет. До четырех часов дня – пока не откроется казино – он абсолютно свободен. И замечательно, что день отдыха выпал именно на Барбадос. Пляжи здесь – в отличие, например, от каменистой Гваделупы – настоящая картинка из рекламы. Лежишь себе под пальмой на белоснежном песке с запотевшим бокалом в руках. Традиционного карибского рома, правда, не выпьешь, раз после обеда на службу, но местное пиво тоже выше всяких похвал.

Все, пришвартовались. Пора идти.

Обитый бархатом лифт для туристов совсем рядом, но в нем – недавнее новшество! – установили видеокамеру. Менеджер по персоналу с остервенением

штрафует тех сотрудников, кто затесался к чистой публике. Да и не идет раззолоченный зеркальный ящик до минус третьего этажа.

Вася покинул туристские райские кущи, торопливо прошел по коридору меж рядами кают, уже протянул руку к неприметной дверце... И вдруг услышал веселый, на хорошем английском, вопрос:

- Ой, а вы куда?

Обернулся, увидел: на него с любопытством уставилась девчонка лет тринадцати, загорелые ножки, белоснежные шорты. Явно мается – как многие дети на корабле – от скуки.

Василий улыбнулся, понизил голос, заговорщицки произнес:

- Через эту дверь уходят на секретную миссию. Только тс-с, никому ни слова!

- What kind of mission?[З - Какую миссию? (англ.)] – Глаза девчушки расширились от интереса.

- Там точка стыковки, – серьезно пояснил Вася. – С батискафом инопланетян.

Девочка на секунду задумалась. Кажется, поняла, что он шутит. Но спросила совершенно серьезно:

- А как инопланетяне под воду забрались?

- На многофункциональном межпланетном корабле, естественно! – авторитетно молвил Василий.

- Вау! Познакомьте меня с ними? – весело попросила она.

По-английски говорила легко, и акцента почти не заметно. Можно принять ее за юную француженку или итальянку – если б не легкий, тщательно скрываемый испуг в глазах. Характерный исключительно для наших.

Вася, когда наблюдал за туристами в ресторане или в казино, даже развлекался, составлял в уме «каталог страхов». Чего только русские не боялись. Вдруг я закажу блюдо, а меня не поймут? Посмеются над платьем, аниматор что-то спросит, а я растеряюсь и не смогу ответить. Опоздаю к отходу корабля и останусь в чужой стране?!

Девчушка тоже кокетничала, вела small talk[4 - Светский разговор (англ.)], будто большая, а сама – как струна натянутая. Захотелось ее успокоить, поддержать.

– Ты очень хорошо говоришь по-английски, – перешел на родной язык Василий. – И шутишь забавно. И вообще умница!

– Ничего себе! – возликовала девчонка. – Так вы наш?! Откуда?

Радость в лице самая искренняя, будто любимого родственника встретила.

– Из Москвы, – улыбнулся Василий.

– А я из Владика, тоже столица, только дальневосточная!

Протянула ладошку, представилась:

– Кристина.

Уважительно оглядела его белоснежную униформу, поинтересовалась:

– Вы, наверно, какой-нибудь боцман? Или штурман? А может быть, даже капитан?!

– Нет, я всего лишь крупье. – Слегка повисил себя в должности Вася.

И вызвал у Кристины очередную бурю восторга:

– В казино работаете? Вот здорово! Хоть бы краем глаза взглянуть!

– А в чем проблема? Приходи. Это ж не суша, где вход строго с восемнадцати, – пригласил Василий.

Девчонка погрузилась:

– Мне маман не разрешит. Совсем затретиговала! – Добавила досадливо: – У нее все время то морская болезнь, то мигрень. Сидит сиднем в каюте. И меня никуда не отпускает. Представляете? Весь народ сейчас пойдет на Барбадосе тусить, а мне – торчать на корабле, с книжечкой!

Кристина взглянула просительно.

«Ждет, что ли, что на пляж с собой позову? – мелькнуло у Васи. – Ага, сейчас! Брендон мигом пришлет педофилию и харрасмент[5 - Сексуальное домогательство.]».

– Да ладно, на корабле тоже неплохо, – примирительно сказал он. – Шведский стол, горка, детский клуб – все сегодня будет работать.

– Но на Барбадосе-то я больше никогда не окажусь, – тоскливо вздохнула девчонка.

Васю разговор начал утомлять. Да и пара коллег мимо профланировала. Ждать, пока кто-нибудь Брендону доложит, что он с пассажиркой – несовершеннолетней! – кокетничает?

Но только собрался отвязаться от новой знакомой, как из-за спины раздалось:

– Кристи! Вот ты где!

Девочка состроила недовольную рожицу, прошептала одними губами:

– Маман.

Пришлось обернуться. Ожидал после дочкиной аттестации увидеть даму с кислым лицом, эдакого вечно недовольного монстра. Но оказалось, стоит рядом очень даже милая женщина. Кареглазая, пухленькая. Внешне никакого

сходства, конечно, но чем-то неуловимо напомнила она ему Алю.

- Доброе утро! – расплылся в улыбке Василий.

- Доброе! – тепло улыбнулась пассажирка.

Единственное, самое обычное слово. Но голос – сексуальнейший. И губы чрезвычайно соблазнительные.

Интересный типаж! Кожа светлая, волосы русые, но примешалась и восточная кровушка. Глаза – будто две миндалины, скулы высокие. Пара морщинок ее совсем не портит, даже придает обаяния.

Обняла свою дочку, произнесла виновато:

- Кристишка вас заболтала, наверно?

- Ма-ам! – ощетинилась девочка.

Оттолкнула заботливую руку, мордаха недовольная. Типичный ершистый подросток. Еще года три, и его собственная дочка будет вести себя точно так же.

«Эх, если б не вся эта история, – грустно подумал Василий, – если б у меня был просто отпуск! И это мы с Настюшкой и Алей отправились бы в путешествие на теплоходе по Карибскому морю...»

Женщина смотрела на него с удивленной, сочувственной даже улыбкой. Как же: привыкли пассажиры, что персонал всегда сияет, как начищенная дверная ручка, а тут вдруг лицо у халдея сумрачное.

Вася вздохнул:

- Извините. Мне пора идти.

– Куда еще идти?! А велеть маме, чтоб она обязательно на берег сошла?! – возмущенно обернулась к нему Кристина.

– Доча, ты чего?! – всплеснула руками женщина.

– Ничего приказать вам я, конечно, не имею права, – примирительно сказал Вася. – Могу только посоветовать: обязательно осмотрите Барбадос. Это прекрасный, очень романтический остров.

Мама девочки смотрела прямо ему в глаза. Она не сделала на него «стойку», даже не улыбнулась – но флюиды от нее исходили такие, что у Васи вдруг с языка сорвалось:

– Я сегодня свободен. Могу вас сопровождать.

– Мама! – завопила Кристина. – Соглашайся немедленно!!!

Стюард, кативший мимо тележку с грязным бельем, обернулся, взглянул на женщину оценивающе. Калькуляцию произвел мгновенно – и показал Васе за спиной дамы сжатый кулак с большим пальцем вниз. В переводе на корабельный: «Взять с нее нечего».

Ничего. обойдется он без швейцарских часов и обеда за чужой счет в дорогом ресторане. Даже сам купит пикантной незнакомке изумительную барбадосскую пина-коладу.

Он представил очаровательную кареглазку в купальнике, в одних трусиках-слингах... вовсе без них... и сердце затомилось от приятного предвкушения.

Дамочка, кажется, считала его мысли. По щекам разлился румянец. Она обернулась к дочке:

– Кристина, мы с тобой все уже обсудили!.. Я сегодня останусь в каюте, а ты...

Но девочка наехала на мать, как танк:

– И зачем я с тобой только поехала?! Тоже мне, карибский круиз! Уже послезавтра на берег сходим, а еще ни одного приключения! Ни намека даже!!!

– Барбадос, кстати, для приключений самое место, – встрял Василий. Со значением взглянул женщине в глаза. И тут же обернулся к ее дочери: – Я, например, знаю одно местечко, где корабль затонул. Он совсем неглубоко, безо всякого акваланга, просто с маской можно увидеть.

– Мама, ну наплюй ты хоть раз в жизни на свою мигрень! – умоляла Кристина.

И та сдалась:

– Ну хорошо.

Протянула Василию ладошку:

– Давайте тогда познакомимся. Меня Нелли зовут.

От ее прохладного рукопожатия его будто током пронзило.

«Мигрень, значит, у тебя, – весело подумал Вася. – Что ж. Приложу все силы, чтобы ее вылечить!»

Нет, все-таки ориентация у него – нормальная. Не геронтофил. Лучше уж безо всякой для себя выгоды соблазнить симпатичную – его лет! – женщину, чем принимать подарки от немощных старух.

* * *

Зарегистрировать образовательное учреждение у Аллы с Викторией Арнольдовной не получилось. Для этого требовалось нежилое помещение плюс куча разрешений. Пришлось написать в уставе, что они осуществляют всего лишь уход и присмотр за детьми. Кормят, умывают, выгуливают, а учить – вовсе не обязаны.

Однако Алла заявила сразу: «У нас занятия будут лучшие в городе!»

Программы, рекомендованные для государственных детских садиков, она даже изучать не стала. Составила собственный методический план. Вошли в него рисование, лепка, основы грамоты и счета, письмо (не буквы, конечно, только закорючки и палочки), английский, физкультура, музыка, танцы. Виктория Арнольдовна настояла еще на одном предмете: «Основы этикета». Даже маленькая Настя поучаствовала в составлении программы: предложила полчаса в день выделить на сказки. Вдохновенно расписывала:

- Но пусть малыши не просто слушают, а отвечают на вопросы, пересказывают, рисуют! Все как в школе!

- Еще скажи: сочинение пишут, - хмыкнула Виктория Арнольдовна. - Фантазерка!

Однако Аля дочку поддержала:

- А по-моему, отличная идея! Нужно только педагога найти хорошего.

К набору кадров Алла Сергеевна тоже подошла с размахом. Объявила через городскую газету конкурсный набор. Желающих поработать за достойную зарплату оказалось немало. Однако Аля безжалостно отсекала большинство опытных педагогов — кто привык муштровать детишек в муниципальных детских садах. В штат в итоге попали две недавние выпускницы пединститута — неутомимые и задорные. Бывшая няня из богатой семьи («С избалованными детишками ладит — значит, и в садике все получится», — решила Алла). А еще — неслыханная диковина для Калядина! — самый настоящий афроамериканец, родом из Нигерии, студент-заочник Института физкультуры. Ему доверили преподавать ритмику и физподготовку.

Даже сотрудниц на должность нянечек подбирали со всем тщанием — Аля и на прежние места работы им звонила, и в поликлинике интересовалась: действительно ли такая-то оформляла у вас медицинскую книжку?

...Найти воспитанников — как и предсказывала Виктория Арнольдовна! — оказалось куда легче. В городские садики Калядина, как везде в России, на очередь надо вставать, едва ребенок родится, да и то не факт, что к трем годам возьмут. Те «счастливчики», кому мест хватило, тоже не всегда в

государственных учреждениях приживались. Одни болели постоянно, другие изо дня в день истерики закатывали: «Не хочу туда!» – у какой матери сердце выдержит?

А платежеспособные клиенты в Калядине были. Градообразующим предприятием управляли французы, его топ-менеджеры, как злословил обыватель, деньги гребли лопатой. Две частные поликлиники есть, успешный кирпичный завод, фитнес-клуб – их руководство, конечно, тоже не бедствует. И своих детей элита с удовольствием отправила в первый в городе частный садик.

Хрестоматийный персонаж – на бандитской черной машине и с пальцами веером – среди родителей, к счастью, был единственный. Местный браток по имени Ростислав. Выглядел он совершенно так, как в сериалах показывают: коренастый, кряжистый. С мощной шеей – ее плотно облегал толстая золотая цепь. Ездил по утрам на черном «Мерседесе», а вечерами – на черной же «БМВ».

А вот юной красотки-блондинки на должности жены у братка не было.

– Выгнал я ее, потаскушку, – доверительно сообщил Ростислав Алле Сергеевне. – И сына себе оставил.

Сын – ангельского вида мальчик, белокурый, ясноглазый, с тонкими чертами лица – отца обожал и подражал ему во всем. Ладно, привычку обращаться к воспитателям «Эй, ты!» и водружать ноги на парту во время занятий изжили довольно быстро. Но юное создание (пяти лет от роду) еще и материлось – вдохновенно, богато. Причем папа – а возил ребенка в сад всегда он, шоферу наследника не доверял – от Алиных претензий только отмахивался: «Не придирайся. Как еще парню свои эмоции выразить?»

Прочие дети с восторгом усваивали словечки, с удовольствием щеголяли новым знанием у себя дома. Родители, естественно, возмущались.

Аля уже собралась белокурого ангела просто выгнать. Однако дочка – Настенька была практичной не по годам – подсказала выход из педагогического тупика:

– Мам, да ты его штрафуй лучше! За каждое матное слово! Они богатые, вот пусть и делятся капиталами.

Требовать с мальчика (или с его отца) денег Алла не стала. Но дочкину идею использовала. Ввела в саду систему «монеток» – специально пришлось заказывать ярко-желтые блестящие жетончики. За успехи в учебе – извольте получить, за хулиганство – отдать. Меняться на игрушки или любые другие предметы запрещено категорически.

«Денежки» в саду прижились. Дети всюду за ними охотились, и главным охотником оказался сын братка Ростислава. Хотя что ему, казалось бы, ничего не стоящие кругляшки, если папа уже карманные деньги выдает по пятьсот рублей в день? Но он стоял за монетки насмерть. Выслуживался на занятиях, постоянно приставал к воспитателям: «Что еще сделать, чтобы монетку получить?» А главное, материться в саду перестал – потому что каждое грубое словечко «золотого» кругляшка ему стоило. Зато, едва отец его за калитку выводил, отрывался по полной программе. Виктория Арнольдовна со смеху умирала:

– Такие конструкции наворачивает, я в жизни не слышала! Даже отец стал возмущаться, вчера, слышу, говорит: «Чему тебя только в этом садике учат?»

...Что ж, пришлось и Насте премию выдавать за хорошую идею.

С детьми, даже с такими малышами – быстро поняла Аля – всегда можно договориться.

И заинтересовать их учебой.

Алла чрезвычайно гордилась тем фактом, что малышня – крохи совсем, самому младшему два с половиной – едва приходили в садик, начинали спрашивать: «Когда занятия?»

А через полгода работы ей – директору сада! – и «высший пилотаж» стал удаваться. Наводить порядок в «плохие дни» – когда воспитанники вдруг все разом выходили из повиновения и даже опытные воспитательницы с ними не справлялись. Но Кузовлева входила в раздевалку или в класс, где визжали, ссорились, канючили, толкались детишки. Строго взглядывала, раздавала парутройку команд – и немедленно утихал гвалт.

Браток Ростислав однажды увидел, как она управляется с подопечными, уважительно пробасил:

– Из вас, Алла Сергеевна, отличный бы смотрящий получился. И доходы сразу совсем другие. Не хотите?

– Спасибо, я уж лучше в детском садике, – рассмеялась в ответ она.

...С доходами, впрочем, пока было неважно, хотя некоторые родители и утверждали, что «за такие деньги наши дети должны на золотых унитазах сидеть». Что ж, Аля продемонстрировала злопыхателям список расходов: налоги, зарплата, коммунальные платежи. Фермерские продукты для детишек. Банковский кредит надо погашать.

А еще она старалась каждый месяц вернуть хотя бы немного Николаю Алексеевичу. Тот, правда, каждый раз сердился. Уверял, что ему не срочно и вообще не нужно. «Аллочка, вы же только раскручиваете бизнес! У вас прибыль пока мизерная, я знаю! Пожалуйста, забудьте вы про эти деньги! Хотя бы на год!»

Однако Алла стояла на своем.

Она не стала рассказывать Николаю Алексеевичу про звонок его жены, передавать злые слова, что та ей наговорила. Однако романтический флер вокруг элегантного, пожилого стоматолога изрядно померк.

Впрочем, тот все равно оставался единственным мужчиной в ее ближайшем окружении. И очень скоро Але пришлось обратиться к нему за помощью.

...Виктория Арнольдовна находилась в отличных отношениях со всем Калядином. Но было исключение. Единственное. Сосед по имени Борис Борисович.

Началась война, как водится, из-за ерунды. Давным-давно сосед взялся возводить на своем участке баню – гораздо ближе к границе участка, чем положено по нормам. Виктория Арнольдовна увидела нарушение сразу, когда еще фундамент только разметили. Пришла, по-хорошему попросила отодвинуть: «Если вдруг пожар, на мой дом огонь перекинется сразу!»

Но Борис Борисович переносить строение отказался.

«Надо было мне на него сразу жалобу написать», – вздыхала теперь старуха.

Но тогда – пятнадцать лет назад – она просто махнула рукой: «Пусть строит, где хочет».

Сосед вошел во вкус. Однажды, когда Виктория Арнольдовна уезжала к Кириллу в Москву, вломился на ее участок. И спилил ветки у роскошного дуба. Они якобы ему грядки затеняли.

Пожилая женщина опять промолчала. Взорвалась, лишь когда сосед возвел опять впритык к ее забору, к тому же точно под окнами спальни – огромную конуру. И поместил туда двух собак – чрезвычайно брехливых.

Тут уж Виктория Арнольдовна написала, наконец, на него жалобу. Конуру его убрать заставили, но война с тех пор заполыхала в полную силу.

– Кириллу, бедняге, приходилось ровно в одиннадцать музыку выключать, – с усмешкой рассказывала старуха. – Потому что в три минуты двенадцатого Борька всегда милицию вызывал. Что ж. Будет ему теперь месть. Дети-то в садике шумят строго по закону, с девяти до восемнадцати!

Но Аля еще по опыту работы в школе знала прекрасно: мстить скандалистам – дело гиблое.

И втайне от Виктории Арнольдовны отправилась к неуживчивому соседу на переговоры. Ужасно боялась, что тот взовьется, начнет вопить, а то и вовсе не пустит ее на порог. Но дядечка оказался очень даже адекватным – едва Аля упомянула, что пришла обсудить компенсацию за неудобства, заулыбался, кивнул и даже сумму озвучил сам:

– Десять тысяч в месяц, и я ваш садик не трогаю.

– Да вы прямо рэкетир! – улыбнулась Борису Борисовичу Алла. – Пять, и договорились.

– Ладно, с паршивой овцы – хоть так, – буркнул дядька.

Что ж, Аля стала платить – проводила деньги по графе «непредвиденные расходы».

А Виктория Арнольдовна удивлялась:

– Странно, что Борька до сих подличать не начал!

Аля только улыбалась, старухе своего секрета не раскрывала.

Но однажды – к тому времени садик уже полгода работал – Аля услышала под окном своего кабинета всхлипывания. Выглянула, увидела одну из родительниц на новеньком «Мини-купере». Машина неловко припала на левый бок.

Алла Сергеевна поспешила вниз.

– Два колеса проколола, разом, – растерянно пожаловалась ей мамаша. – Что теперь делать?

Пришлось звать физкультурника-афроамериканца, вручать ему домкрат, снимать колеса, везти на шиномонтаж.

...А на следующий день точно такая же беда у другой родительницы.

Тут только до Али и дошло.

– Вы где разворачиваетесь? – потребовала она у женщины.

– Да вот здесь! – Та махнула рукой на широкий асфальтированный подъезд к дому Бориса Борисовича.

Аля подошла, присмотрелась: а там по земле разбросаны гвозди! Штук двадцать, огромные, ржавые!

Немедленно бросилась к соседу возмущаться:

– У нас ведь с вами договор!

Но тот ехидно молвил:

- А я до вашего садика - как мы договорились! - не касаюсь. Но площадка у забора моя личная собственность. Чего хочу, то на ней и делаю.

Аля даже опешила от такой наглости. Сосед с удовольствием наблюдал, как она раскрывает рот, будто рыба, и никак не может подобрать нужных слов.

- Вы подлый человек! - наконец, нашлась Аля.

Борис Борисович опешил:

- Ах, вот ты как? А ну, пошла вон отсюда! Думает, купила она меня! За жалкие пять штук!!!

Окна открыты, в садике все слышно. Персонал, конечно с интересом предвкушает: как директриса выкрутится? Но Алла Сергеевна никогда не умела противостоять откровенному хамству. Смотрела в разъяренное лицо соседа и еле сдерживала слезы.

А Борис Борисович продолжал куражиться:

- Я куда дороже стою! Чтоб у моего коттеджа разворачиваться - изволь не пятерку в месяц платить, а пятнадцать. Готова? Вперед, деньги на бочку! И никаких проблем.

Плюнуть ему в лицо? Влепить пощечину? Но ведь сдачи даст, даже гадать не надо. Однако и совсем уж проглотить оскорбление нельзя.

- Дурак вы, Борис Борисович, - вздохнула она. - Что ж, очень жаль.

Сосед удивился:

- Не будешь, что ли, платить?

- Не буду, - пожала плечами Аля.

Покинула вражескую территорию – вслед неслись оскорбления и угрозы – и немедленно набрала номер Николая Алексеевича.

Сейчас уж его помощь точно нужна. Другого выхода нет.

Стоматолог ее звонку обрадовался несказанно. Они не виделись и даже не разговаривали давно. Хотя доктор, докладывала Виктория Арнольдовна, исправно посещал еженедельные карточные баталии и каждый раз спрашивал, где Аля и как у нее дела.

– Ты будто специально от него прячешься! Почему? – недоумевала старуха.

Аллу несколько раз подмывало рассказать пожилой даме о звонке супруги Николая Алексеевича, ее претензиях и угрозах. Спросить совета. Но неудобно было. И стыдно в очередной раз выступить героиней бразильского сериала. Без того уже она какая-то цыганка Аза: явилась в чужой дом с ребенком от совершенно постороннего человека. Поклонники в Калядине у нее тоже совсем неподобающие: мальчишка и женатый пожилой человек.

Впрочем, Виктория Арнольдовна воспринимала как должное: и что ее собственный внук отчаянно влюблен в Аллу, и страсть к ней Николая Алексеевича.

Еще и возмущалась нерешительностью доктора:

– Давно бы уже развелся со своей гримзой Наташкой да сделал тебе предложение!

Спасибо хоть самому доктору такой идеи не подкидывала. Или подкидывала?

По крайней мере сейчас – когда Аля ему позвонила, – он чрезвычайно решительно заявил:

– Раз у вас ко мне дело, поговорим о нем в ресторане. Возражения не принимаются.

– Николай Алексеевич, – Аля отчаянно смутилась. – Я не хочу в ресторан. Не надо, чтоб нас видели вместе!

– Не волнуйтесь, там не увидят. Ресторан в сорока километрах от Калядина, это охотничье хозяйство.

«Может, он еще и охотничий домик там снимет?» – перепугалась Аля.

А доктор невозмутимо продолжал:

– Не пожалеете, Аллочка. Рябчиков, уток диких там готовят неподражаемо. Домашнее вино, свои соленья, картошечка, естественно, с грядки, овощи, фрукты, всякая живность под ногами путается: гуси, уточки, кролики. Красотища, тишина, воздух. Отвезу, привезу. Соскучился по вас ужасно, хоть поговорим!

Спорить, она поняла, бесполезно. Да ей и нужен был Николай Алексеевич. Как она без его помощи справится с обнаглевшим соседом? Не просить же юнца Кирилла срывать с соревнований и лететь в Калядин к ней на выручку?!

Пришлось уйти с работы пораньше, сцеживать для крохи Зоиньки молоко. Раздавать указания Виктории Арнольдовне и Насте, когда малышку покормить, во что переодеть на ночь.

Старшая дочка внимательно наблюдала, как мама – с отвычки неуверенно, медленно – подводит глаза, пудрит щеки. Поинтересовалась подозрительно:

– Куда это ты собралась? На свидание?!

– Настена, а ну кыш со своими вопросами! – вмешалась Виктория Арнольдовна. – У мамы переговоры. Слышала такое слово?

Но девочка не сдавалась:

– Да ладно, переговоры! На переговоры мама в джинсах ходит. А в налоговую – вообще в штопаном платье!

Погрозил пальчиком:

- Смотри! Все дяде Кириллу расскажу!

«М-да, – сердито подумала Аля. – Живу будто под микроскопом. А как, интересно, Николай Алексеич перед своей женой станет оправдываться, что его весь вечер дома не будет?»

И едва врач завел разговор на любимую свою тему: «Почему, мол, Аллочка, вы от меня прячетесь?» – призналась:

- Из-за вашей жены. Она мне уже пообещала много-много неприятностей.

Доктор посуровел:

- Когда?

- Семь месяцев назад. Я еще в роддоме была.

- Вот, значит, что.

Сразу осунулся, как-то поник – Але его жаль стало.

Начал было:

- Не обижайтесь. Я вам все объясню. Дело в том, что моя Наталья...

Но Алла Сергеевна решительно перебила:

- Простите, но я даже слушать об этом не хочу. И еще больше не хочу – вставить между вами и вашей женой. Я никогда в жизни не разрушу вашу семью. И так уже достаточно, – помрачнела, – натворила дел.

- Это, – Николай Алексеевич взглянул лукаво, – единственная причина?

Почему ж она всегда его смущается? Будто школьница, которую директор поймал на заднем крыльце школы с сигаретой?

- Есть и другая, - отрезала она. - Я очень вам благодарна за то, что одолжили мне денег и вообще поддержали. Но я бы хотела, чтоб отношения между нами остались исключительно деловыми. А вы все время: «Аллочка», «деточка»!

Он расхохотался:

- Аля, у меня ж все «рыбки» и «кошечки». Вы поговорите с любой из моих пациенток, они подтвердят!

- Паясничаете, как подросток, - осудила она. - Вам не идет.

И не удержалась, укорила:

- Когда мне денег одалживали, говорили: я, мол, богатейший человек, сто семьдесят тысяч для меня - два гроша, совсем не в тягость. А сами, оказывается, последнее отдали. Но я вам обязательно верну, все до копейки!

- Ох, Аленька, рыбонька моя! - весело улыбнулся он. - Серьезный ты человечек!

Встретил ее возмущенный взгляд, пообещал:

- Все, все, я понял. Больше тебя не дразню.

И на протяжении вечера Аллу больше не поддразнивал, ничем не смущал.

Они съели изумительный ужин - отбивная из кабаньей лопатки, котлеты из утиного мяса. Запивали мягким домашним вином. Доктор много шутил, развлекал Алю медицинскими байками. Впрочем, ей тоже было чем ответить: детишки, ее подопечные, рассмешить могут не хуже. Она, когда стала директорствовать в садике, даже специальную тетрадку завела, куда записывала их перлы.

- На вас приятно посмотреть, такие веселые! - улыбнулась им пожилая официантка.

Что ж, Алле действительно было легко и радостно с Николаем Алексеевичем.

«Наверно, мы бы с ним отлично ладили, – мелькнула мысль. – Хорошо, когда муж умеет посмеяться!»

Алла сразу смутилась, обругала себя: нельзя, нельзя примерять на стоматолога роль супруга!

А тот чутко уловил, что настроение у нее изменилось.

– Аля, могу я тебя попросить? Пожалуйста, не убегай больше, когда я приезжаю к Виктории Арнольдовне играть в преферанс. Мне очень нравится, что именно ты приносишь нам фрукты и вино.

– Но...

– Считай, это проценты за мой кредит, – усмехнулся он. – И еще я хочу, чтобы ты знала. Я обязательно разведусь с Натальей. Вне зависимости от того, как сложатся наши с тобой отношения. Мой развод просто вопрос времени. И – если ты захочешь об этом слушать! – я всегда готов объяснить тебе, в чем проблема. А пока – что ж остается!.. – улыбнулся беззащитно, – мы с тобой будем видаться исключительно по делу. И – коли у нас деловой ужин! – говори: что там у тебя в садике стряслось?

Але и радостно, что со сложной темы свернули, но и жаль – что взгляд Николая Алексеевича, только что жаркий, влюбленный, сразу стал серьезным, потух.

Хотя лучше, чтоб отношения были исключительно деловые.

И она начала свой рассказ о несносном соседе Борисе Борисовиче.

* * *

Слишком правильная мама – это настоящее наказание. Раньше, когда они вместе с папой жили, можно хоть как-то было ее занудству противостоять. Настя с отцом маму то в ресторан вытягивали, то уговаривали на совершенно

неправильный ужин: шпроты с китайской лапшой. К тому же папа ничего не имел против выражения «на фиг» и соглашался с тем, что когда волосы дыбом – это тоже прическа.

Но с тех пор, как они стали жить сами, а потом еще в доме завелся младенец, у них не дом сделался, а какая-то стерильная кунсткамера. Пыль каждый день вытирай, руки мой, говори тихо, супчики кушай протертые. Бабушка Вика, конечно, иногда позволяет сделать шаг влево-вправо, но тоже не слишком с ней разгуляешься. Ну, разрешит телевизор посмотреть полчаса сверх положенного, да губы подкрасить бесцветным блеском. А у Насти в классе некоторые девочки даже ногти уже лаком покрывают, а одна вообще ходит в туфельках на самом настоящем каблучке! И ди-ви-ди все смотрят любые, а не какие мама с бабушкой разрешат. И в компьютер играют сколько влезет.

А Настя – будто в девятнадцатом веке живет. Только читать – без ограничений! – и позволяется.

Что ж, приходилось себя развлекать самой. И самая первая забава у девочки была: наблюдать за противным дядькой из соседнего дома. Вот это фрукт, чего только не вытворяет! Да еще и шторы никогда не задергивает, любуйся во всех подробностях. То встанет перед зеркалом, приосанится, руку вперед вскинет, рожи выразительные корчит – речь репетирует или поет, за окнами закрытыми не слышно, но все равно ужасно смешно. Или ложился на спину и начинал трясти тощими ножонками, быстро-быстро, как медведь в цирке, когда по бочке бежит. А потом надевает резиновые перчатки и... Настя долго не могла понять, что он в них делает. Сначала даже решила, что в попе чешет. Но потом разглядела: дядечка натягивает на себя – непонятно зачем! – бесцветные чулки.

Ничего себе! Девочка уже немного знала про маньяков и перепугалась ужасно. С мамой (и без того нервной) страхами делиться не стала, решила рассказать все бабушке Вике. Но та только расхохоталась. И объяснила, что дядька, Борис Борисович, просто носит компрессионное белье – такие специальные чулки для тех, у кого вены на ногах больные.

– Оно, Настенька, очень скользкое, вот и приходится, чтобы надеть, лечь на спину, задрать конечности, да еще и резиновые перчатки использовать.

Что ж, даже жаль, что не маньяк. Но наблюдать за Борисом Борисовичем Настя все равно продолжала. И ужасно корила себя, что проглядела момент, когда противный дядька гвозди рассыпал перед своими воротами. Не успела предупредить маму и клиентов ее садика.

Зато уж теперь, после того, как две машины прокололи колеса, а сосед, вместо того чтоб извиниться, разорался на всю улицу, она не спускала с него глаз. Тем более что подслушала, как бабушка Вика говорит:

- Ох, чую я, продолжит Борька нас изводить!

Удивительные ее родные люди! Им вредят, да еще и оскорбляют прилюдно, а они, вместо того чтоб мстить, безропотно ждут, какую им новую пакость придумают. Нет уж, она омерзительному соседу спускать с рук хамство не собирается. Может быть, начать с элементарного? Подбросить на его участок какую-нибудь гадость? Настя была готова дажедохлую кошку в руки взять, лишь бы расквитаться за мамочку.

Или уж не размениваться на мелочи, придумать что-нибудь совсем страшное? Вроде гремучей змеи, свисающей с потолка спальни, или отравленной стрелы в сердце? Или прокрасться в школьный кабинет химии: в нем, наверняка, есть разные яды?

Но разработать роковой план в деталях девочка не успела.

Пару дней спустя после маминой ссоры с Борисом Борисовичем в их переулок въехал эффектный старинный «Даймлер». «Чего это дядя Николай вдруг днем явился? – удивилась девочка. – Мама на работе, бабушка спит».

Прильнула к окну – и опешила еще больше. Во-первых, стоматолог – аккуратист под стать маме! – вечно отутюженный, в костюме со стрелочками, одет был сегодня в трикотажный свитер и простецкие спортивные брюки. А во-вторых, позвонил он не в их ворота, но к Борису Борисовичу!

«Неужели он рыцарь? – ахнула про себя Настя. – Явился за маму мстить?!»

Она аж запрыгала от предвкушения. Сейчас явно начнется эффектная драка!!!

Однако пока что ничего интересного. Мужчины стоят во дворе. Разговаривают чрезвычайно тихо, Настя, хоть окно приоткрыла, ни слова не разобрала. А потом – даже не уловила, в какой момент! – Николай Алексеевич вдруг коротко размахнулся и со всего маху врезал соседу в скулу! Тот отшатнулся, лицо перепуганное. Но, вместо того чтоб защищаться, стал отступать.

Однако Николай Алексеевич противнику даже отдышаться не дал. Схватил за шиворот, подтащил к огромной бочке с водой для полива. Сунул туда головой. И держит! Долго! Настя аж до шестидесяти досчитать успела. Когда выпустил, сосед уже выглядел совсем невменяемым, хрипит, глаза закатились. Ничего себе дядя Николай что вытворяет! А еще «интеллигентнейший человек», как бабушка Вика говорит!

Даже Насте – хотя она строила в адрес Бориса Борисовича куда более зловещие планы – стало несчастного дядьку жалко. Но Николай Алексеевич не унимается! Не дал даже отдышаться, швырнул – полуживого! – на поленницу с дровами. Кинул со всей силы: голова соседа противно чвякнула, доски разлетелись во все стороны. А дядя Коля, вместо того чтоб помочь или хотя бы посмотреть, жив ли Борис Борисович, еще и громко выругался ужасными словами.

Тут уж Настя совсем разочаровалась. Нечестно, когда не дерутся – а избивают. Даже таких негодяев, как соседский старичок.

И вообще: какое дядя Николай имеет право из себя джентльмена строить?

Руку ей целует, называет на «вы» и маленькой леди. А сам себя ведет хуже рэкетиров из фильмов, которые Насте изредка доводилось посмотреть.

Она, конечно, рада была, что нашелся человек, который оплатил за маму. Но сцена, как сосед стонет, размазывает по лицу кровь и выплевывает выбитые зубы, еще долго являлась ей в кошмарных снах.

* * *

Василий Кузовлев не сомневался: чтобы отправиться в отпуск не в Турцию (как все), а на далекие Карибские острова, его новая знакомая целый год жестоко сэкономила.

Для таких, как она, на теплоходе имелось собственное сленговое словечко: «одноразницы». Есть такие оригиналы: готовы много месяцев на хлебе и дешевых сосисках сидеть ради недели «тропического рая».

– Кристишка так ждала этой поездки, хочет развлекаться, на все экскурсии ездить, а мне видно позавидовал кто-то, – виновато объясняла ему Нелли. – Сглазил. Каждый день новая напасть: то горло болит, то голова, то ногу подвернула...

– Да на нас многие злятся! – простодушно подхватила ее дочь. – Мы с мамой в нашей семье эти, как их... анфан террибль.

– Кристина, – предостерегающе произнесла Нелли, – Василию вряд ли интересно слушать про чужие проблемы.

«Да уж, – усмехнулся он про себя. – Своих достаточно».

– Давайте тогда говорить про пиратов, яхты, сокровища! – легко согласилась девочка.

Что ж. Пока валялись на пляже, Василий с удовольствием поведал несколько баек из серии «все вранье, но туристам нравится».

Разговаривал с девочкой – но на ее маму то и дело поглядывал. Не изменился у него вкус. Внешность у Нелли совсем другая, но по всем повадкам она – вылитая Аля. Неуверенная в себе, заботливая, слегка заполошная. И характера никакого. Мни ее, скручивай, как воск. «Солнца не люблю, купаться на глубине боюсь, крепкое спиртное не употребляю...» Однако они с Кристиной и позагорать ее вытащили, и с маской заставили сплавать к затонувшему кораблю, и ромом напоили. И сейчас – когда ее волосы пахли морем, дыхание – ромом, а тропическое солнце позолотило лицо – выглядела Неллечка особенно соблазнительно.

«Как бы теперь ее на свидание тет-а-тет вытащить? – ломал голову Василий. – Когда и, главное, куда?»

С богатыми старухами – кто может пригласить к себе в каюту люкс, – конечно, куда проще. А в двухместный номер, где Нелли проживает вместе с дочкой, ясное дело, не заявишься.

Однако он все ж нашел выход. Когда Кристина в очередной раз убежала прыгать на невысоких карибских волнах, произнес тоном уверенным, будто о деле решенном:

– Завтра утром в 5.46 жду тебя на верхней палубе.

– А что будет в 5.46? – удивленно взглянула она.

– Как что? – пожал плечами Василий. – Рассвет. Я хочу его встретить вместе с тобой.

* * *

Нелли выглядела типичной дамой строгих правил. Но Вася не сомневался: сдастся. Тем более что Кристина ему доложила: «Папка уже пять лет как ушел, и с тех пор маман живет как монахиня».

Долго ее обхаживать некогда: послезавтра уже Ла Романа, конец круизу. Поэтому пришлось применить простейшую тактику: наглый и быстрый натиск. И Василий – едва ярко-красный диск солнца показался над кромкой моря – крепко, чтоб не вывернулась, прижал женщину к переборке и впился в губы поцелуем.

Нелли пискнула, начала вырываться, даже руку высвободила, взметнула – готовилась ему пощечину влечь. Но он целовал – все грубее, все требовательнее. И обмякло в его руках ее тело. И секс случился прямо на палубе, за жалким укрытием в виде сложенных друг на друга шезлонгов.

Старухи – рассказывали коллеги – и сами в постельных утехх изобретательны, и тебя требованиями изведут. А Нелли оказалась неопытной, неловкой. Даже Алка – в сравнении с ней профессор. Однако Васю неумелые движения любовницы не разочаровали – наоборот, только распалили. Жаль, времени не будет ее искусству любви обучить.

...Когда все закончилось, поцеловал в сладкие губы, сказал искренне:

- Я в тебя реально влюбился. Как мальчишка. С первого взгляда.

- Вася, - вздохнула она. - Не смейся, пожалуйста, надо мной. Ты - красавец. А я обычная курица.

- Хочешь, дам искру почувствовать? - Он взял ее руку, провел подушечками пальцев по своему предплечью.

Волоски встали дыбом. Василий констатировал:

- Вот видишь? Меня - реально! - бросает от тебя в дрожь. И я не хочу, чтобы ты уезжала.

Она взглянула с восторгом, робко спросила:

- Правда?

Из ресторана на верхней палубе потянуло запахом выпечки.

А Вася вспомнил вдруг дом. Как Алька всегда вскакивала первой, спешила на кухню, жарила оладушки или блинчики.

- О чем ты думаешь? - прижалась к нему Нелли.

Он вздохнул:

- Так хочется домой. А его у меня нет...

Она не спрашивала, но он все равно сказал:

- У меня когда-то были жена и дочка...

Зарылся губами в ее волосы, вздохнул:

– Если бы ты знала: до чего я устал быть один. И если бы только ты могла остаться...

– Ты правда этого хочешь? – взглянула ему в глаза она.

– Нелли, милая! Я был бы безумно счастлив! – вздохнул он. – Но я всего лишь крупье. И к своему глубочайшему стыду и сожалению – не могу оплатить тебе второй круиз. И даже снять скромное бунгало на Барбадосе не могу.

Богатая старуха, наверно, после этих слов – швырнула б к его ногам как минимум пачку стодолларовых купюр. Но бедная русская женщина Нелли лишь прижалась к нему. Взглянула влюбленными глазами. И нежно-нежно погладила по голове.

* * *

Вася сам не ожидал, что скромняга из Владивостока настолько его зацепит. И чем взяла, непонятно. Типичная русская туристка, уже далеко не юная. В ресторане над такими, как она, откровенно посмеивались и обслуживали в последнюю очередь. Чего спешить? Все равно не пожалуется, даже в голову не придет. Русские – вроде Нелли – всегда выглядят так, будто не собственным потом заработали на путевку, а пустили их на корабль из великой милости. За столом сидят – горбятся, будто спрятаться хотят. Объясниться – на английском! – не могут, а уж держать, когда едят салат, вилку в левой руке, вообще за гранью их возможностей.

Однако сейчас – когда Вася присмотрелся, распробовал на вкус аппетитные, вишневого цвета губы Нелли, разглядел изумительной формы грудь – он чрезвычайно жалел, что знакомство их оказалось столь мимолетным. Столкнулись бы в начале круиза – было б на несколько горячих ночей больше.

Интересно, а если б они не в тропическом антураже, но где-нибудь в московском метро встретились? Проскочила бы пресловутая искра?

Нелли – та доверчиво, будто лошадка преданная, тыкалась ему в шею, шептала на ухо: «Я такого, как ты, всю жизнь искала!» Вася бормотал в ответ приличествующие случаю слова, но сам, конечно, понимал: будь он на коне,

даже не взглянул бы в ее сторону. Во времена, когда служил в банке и все у него получалось, на дам совсем другого типа заглядывался: эффектных, стройных, уверенных в себе. Зачем ему уютненькие и невзрачные, если дома практически такая же?

Он понимал: Нелли просто оказалась неплохим суррогатом. Заменой Алке. Та же безусловная преданность, влюбленно-восторженный взгляд. И никаких к тому же претензий – жена-то в последнее время была то одним недовольна, то другого требовала.

«Можно сказать, медовый месяц у меня случился. На Карибских островах», – ухмылялся про себя Василий.

И чтобы у обеих сторон остались о мимолетном приключении самые приятные воспоминания – накануне швартовки в Ла Романе (конечном пункте круиза) расстарался. Вытребовал у Брендона отгул на весь предыдущий день – когда корабль стоял на острове Сен-Мартен.

Едва сошли на берег, поспешил вместе со своими девочками в пункт проката моторных лодок. Арендовал на весь день маленький, но мощный катерок. Не поспешил на тропические фрукты, ледяное шампанское. И помчал – мимо туристов, что скучно брели по берегу на городской пляж, – за семьдесят морских миль на остров миллионеров Сен-Барт.

– Это ж там, где Абрамович живет! Дом его посмотрим, может, и Дашу Жукову увидим! – пришла в несусветный восторг Кристина. – Дядя Вася, я вас обожаю!

А Нелли все пыталась сунуть ему сто долларов (свою долю за аренду катера).

Дочка же хихикала:

– Дядь Вася, водки ей в шампанское плесни, пусть расслабится!

Юная Кристина освоилась на плавсредстве мгновенно. Устроилась в белом купальнике, с бокалом свежавыжатого сока на носу катерка, заявила решительно:

- Буду жить так всегда!

- А как же школа? – усмехнулась Нелли.

- Подумаешь, проблема! Частных преподавателей возьмем, – фыркнула дочь.

- Кристи! – нахмурилась мать. – Не зарывайся!

- Нелечка, – Вася широко улыбнулся, обнял ее: – Да оставь ты ребенка в покое! Пусть в последний день в тропиках помечтает!

- Ничего я не мечтаю! – обиделась Кристина. – Я уже сто раз говорила: какой смысл в нашем Владике сидеть?! Скука, дыра. Да и тебе, мам, тропический климат тоже подошел. Пусть не сразу. – Лукаво улыбнулась. – Зато сейчас никакой мигрени, и выглядишь прекрасно!

«Хорошо быть подростком, – грустно подумал Василий. – Искренне веришь: что когда-нибудь сможешь – не думая о проклятых деньгах! – жить на берегу Карибского моря...»

Впрочем, сегодня он с удовольствием Кристине подыгрывал. Когда на Сен-Барте обедали в симпатичном ресторанчике, Вася – к восторгу девочки – заверил хозяина:

- Отлично кормите! Будем к вам ходить каждый день!

Владелец харчевни – будто речь шла о деле решенном – кивнул:

- О'кей! Я тогда в журнал постоянных клиентов впишу, что вам – мясо только well done, а вашей даме очень нравится лобстер, right?

После обеда – прошлись по улице роскошных особняков. У тех, что продавались, останавливались, и Кристина снимала на мобильник телефоны риелторов.

В общем, настолько увлеклись будущей своей красивой жизнью, что едва не опоздали на теплоход.

– Дядь Вася, а вы не можете вместе с нами пойти на прощальный ужин? – робко улыбнулась Кристинка.

– Ни в коем случае, – покачал он головой.

Но прежде чем его девочки успели расстроиться – добавил:

– Мы же решили: впредь живем только красиво! Зачем нам идти на убогий ужин для всех? Я уже заказал столик в ресторане на верхней палубе. Прекрасно посидим там втроем, при свечах.

Все питание на корабле входило в стоимость путевки, и лишь на верхней палубе кормили за деньги. Впрочем, Василию – как сотруднику – полагалась пятидесятипроцентная скидка.

– Круто, дядь Вася! – оценила Кристинка.

Девчушка явно прикипала к нему все больше и больше.

Впрочем, когда милый ужин с шампанским, омаром и отличным тирамису был завершен, тут же поднялась:

– Мам, я в интернет-кафе пойду. Часика на два, хорошо?

Нелли ужасно смутилась, а Вася просиял:

– Отличная идея!

И, когда оплачивал счет (упрямица Нелли опять пыталась сунуть ему «за нас с Кристиной»), успел шепнуть официанту, чтобы в каюту 6217 доставили двадцать пять алых роз. Мотовство, конечно, – но он так давно не тратил деньги на женщин...

...На следующее утро – а встать пришлось в четыре тридцать – вчерашний загул, правда, проклинал. Явно перебрал он с выпивкой, сексом, солнцем. Да еще и денек – как всегда в Ла Романе, – предстоял адский. До полудня все полторы тысячи пассажиров сойдут на берег. Далее последует лихорадочная уборка –

вовлечен в нее весь, без исключения, персонал. А в четыре на корабль уже начинают подниматься новые туристы. И опять по бесконечному кругу: приветственный вечер, в ресторане в сотый раз объясняй, из чего состоит «зеленый крем-суп», в казино – раскладывай по стопочкам чужие деньги.

...К часу ночи Василий – в самом буквальном смысле! – падал с ног. Во время туалетного перерыва выбрался на палубу – надеялся, ночной свежий воздух хоть немного его взбодрит. Однако колени от усталости тряслись так, что пришлось опуститься в шезлонг. А тут еще в придачу к слабости и галлюцинация подкралась: показалось, будто к нему спешит Нелли.

Поморгал: откуда ей тут взяться? Его мимолетное приключение сейчас должно к Владивостоку подлетать. Однако видение рассеиваться не думало: она, Нелечка. Да еще платье какое нарядное!

Вася пробормотал первое, что взбрело в голову:

– Ты чего его вчера в ресторан не надела?

Нелли счастливо улыбнулась:

– А я его только сегодня купила. В Ла Романе, в бутике «Кензо».

И улыбнулась лукаво.

Вася же – измотанный до предела – никак не мог собрать пазл. Нелли снова на корабле. В эффектном наряде. На пальчике – блестящий камешек, судя по снопу искр, – бриллиант. Но она же говорила ему, будто трудится инженером в скромном НИИ?

Однако сейчас у нее и тон изменился. Уверенным стал, чуть насмешливым:

– Вася, алло! Это не привидение, это я! Мы с Кристиной решили повторить наш круиз!

– Но...

– В этот раз каюта нам досталась на верхней палубе. Девять и три ноля. Знаешь, где она?

Еще бы он не знал, где находится самый крутой на всем корабле трехкомнатный сьют!

И Вася тихо спросил:

– Нелли. Ты мне можешь объяснить, что происходит?

Она улыбнулась – виновато, нежно – и снова стала похожа на ту скромницу, кого он вчера «выводил в свет». Подошла, прижалась, положила голову ему на плечо. Произнесла виновато:

– Я... я просто не люблю этим хвастаться перед не очень знакомыми людьми... Вася. Я на самом деле богата. У меня отец был... серьезный бизнесмен. Мы, правда, не общались почти. Папе не нравилось, что я не замужем, что работаю не там, где он хотел, влюбляюсь не в тех. Ничего, короче, не нравилось, и на наследство, говорил, даже не рассчитывай. Я и не рассчитывала. А год назад он умер и, оказалось, все деньги все-таки мне оставил. Так что просто повезло. И я очень бы хотела разделить свою удачу с тобой. Ты ведь согласишься?

Улыбнулась, зарделась, тихо добавила:

– И я, и Кристишка, мы обе – очень тебя просим!

* * *

Все вокруг ждали: что она гопака будет плясать. От счастья.

Однако, сколько Вера Бородулина ни прислушивалась к себе, – испытывала она лишь досаду. Ну, или – в лучшем случае – недоумение. Неужели беременность – самая что ни на есть естественная! – все же произошла? Да не то что произошла, уже к завершению близится. Пройдет три месяца, и мечта последних лет сбудется?! Она станет мамой?!

«Просто чудо! Фантастика! Я обязательно упомяну ваш случай в своей докторской!» – соловьем разливается доктор Милена.

Пытливо вглядывается, ждет ответных восторгов... Но только Бородулина никак не могла себя заставить улыбнуться в ответ. И оформлять детскую комнату – хотя дни летели! – даже не начала. И пеленки с пинетками не закупала. А уж о том, чтоб передавать дела или как минимум искать толкового заместителя, – ей и подумать было тошно...

Слишком внезапно у нее случилось интересное положение. Слишком поздно она о нем узнала – плод уже больше килограмма весит, шевелит ручками-ножками. И совсем не хочется ей – да еще настолько внезапно! – превращаться из гламурной, успешной деловой женщины в суматошно-бестолковую мамашу с коляской.

И еще один повод есть для беспокойства: она ж всю беременность вела себя кое-как. И помыслить ведь не могла, что ждет ребенка! Врачи сами виноваты: в течение многих лет внушали, что с ее кучей диагнозов интересное положение невозможно, поэтому и предохраняться смысла не имеет. Да у нее к тому же и критические дни все эти месяцы исправно приходили. Ну да – какие-то странные. Изредка. Совсем по чуть-чуть. Но Вера расстройство цикла беспечно списывала на какую-нибудь очередную болячку и к врачу идти даже не думала.

Милена по этому поводу теперь рвет и мечет:

– Раз были кровотечения! Это фактически постоянная угроза выкидыша! Надо было соблюдать постельный режим, ставить капельницы, пить препараты кровоостанавливающие! А вы – все время на ногах. Нервничали. Младенец, конечно, испытывал гипоксию... Плохо. Очень плохо.

– Так, может, он вообще уродом родится? – чрезвычайно перепугалась Вера.

– Что ж, будем проводить все необходимые скриннинги. Те, что еще возможны на вашем сроке, – вздохнула доктор.

– Но я ведь и алкоголь пила, – продолжала волноваться Бородулина. – И снотворное иногда. Работа-то нервная. Может быть... лучше прервать беременность? Ну, в смысле: преждевременные роды вызвать?

– Да что же вы такое говорите?! – всплеснула руками Милена Михайловна. – Прервать?! Убить ребеночка? После того как вы столько лет боролись за право стать мамой?! Нет, нет, даже не думайте об этом. Будем надеяться, что Бог – после всего, что вам пришлось вынести, – охранит вас и вашего малыша. Просите его об этом.

Однако сама Вера не сомневалась: вряд ли Бог что-то выполнит для нее, сколь бы горячо она прощения у него ни вымаливала.

«Вот кошмар будет, если рожу какого-нибудь недоразвитого. Да еще без мужа. К тому же денег у меня много только по меркам какой-нибудь учительницы из Зауралья. А по московским стандартам – я даже на крепкий средний класс не тяну», – растревляла себя Бородулина.

Можно, конечно, прижать к ногтю отца ребенка...

Кто им был – она не сомневалась. Юный симпатяга и бывший ученик Аллы Кузовлевой – Кирилл Бодрых.

Вере ни капли не было стыдно за ту странную, лихорадочную ночь, когда она подсыпала транквилизатор молодому теннисисту, а после того, как парень впал в беспамятство – банально взяла его. Пусть он ничего и не соображал, но тело у него оказалось что надо. Молодое, сильное, накачанное. И достоинство – в полной боевой готовности, хоть сейчас в порнофильм.

Удовольствие урвала, а заодно Алке – которой вечно все самое лучшее достается! – получилось досадить.

Может, пойти в своей мести до конца? Каково будет зачатой подруге, когда выяснится, что ее безответно влюбленный имеет ребенка на стороне? Да еще от Веры Бородулиной?

Она, конечно, ни на секунду не собиралась Кирилла на себе женить. Зачем ей нужен бестолковый, зеленый пацан? Иное дело – наложить лапу на его денежки.

Навела справки, выяснила: карьера молодого теннисиста в последний год действительно идет в гору. В месяц стал зарабатывать до десяти тысяч

долларов чистыми. По меркам провинции (откуда он там, из Калядина?) – опять же, огромные деньги. Однако нужны ли Вере его алименты – в размере, как положено по закону, четверти ежемесячных доходов? Ну, станет ей Кирюша платить две с половиной штуки «зеленых»? Но ведь, наверняка, – если его признают отцом! – начнет соваться с различными советами по воспитанию ребенка. Будет лезть в ее жизнь. К тому же теннисная фортуна переменчива. Вдруг получит Бодрых – в любой момент может случиться! – серьезную травму. И все. Доходы мигом упадут до нуля. А отцом он уже навсегда останется! И продолжит ей докучать...

Нет уж, решила Вера, куда разумнее пока что секрет попридержать. Ну и пусть в свидетельстве о рождении у ребенка будет прочерк. Зато всегда останется возможность для маневра. Допустим, найти младенцу другого – более выгодного отца. Или подождать, когда Кирилл (если ему повезет!) станет мегазвездой. С совсем иным уровнем доходов. Вот тогда и предъявим господину Бодрых внебрачного ребеночка. Стребуем или огромные алименты, или не менее впечатляющие отступные. К тому же какой будет пиар!

Вера аж облизнулась.

* * *

Дай Галине Кругловой волю – она бы вообще из дома не выползала. Особенно сейчас. Митенькины одноклассники выросли, превратились в симпатичных парней, здороваются всегда вежливо, а она еле сдерживается, чтоб не заплакать. Один из приятелей сына вообще женился, выгуливает младенчика. Однажды решил похвастаться, извлек трогательного бутуза из коляски, сообщил рост и вес. Галина изо всех сил старалась светски улыбаться в ответ, хотя душу в клочья раздирало. Ей-то внуков уже не увидать. Никогда.

И с каждым годом становилось все тоскливее. Да еще народ лучше жить, что ли, стал, рожают одного за одним. На детской площадке столпотворение, и вообще, куда ни взгляни, обязательно натолкнешься на малыша, сравнишь его с Митенькой, расстроишься. Хоть даже за хлебом не выходи.

Галя и старалась обходиться не портившимися продуктами из Вериных подношений. Опять же, экономия. Пенсия у нее несерьезная, а Митина могилка должна выглядеть самой холеной и аккуратной на всем кладбище.

...Сейчас тоже вышла в магазин не для себя – для сына. Приснился ей накануне Митенька – каким ушел от нее, одиннадцатилетним мальчишкой. Грустный, бледненький, щечки худые. «Сыночка, плохо тебе?» – всполошилась она. «Нет, мам, нормально, – серьезно откликнулся мальчик. – Просто скучаю. По тебе, по дому, по друзьям. А еще пирожков хочется с корицей, как ты делала».

И растаяло видение. А Галина, проснувшись, даже завтракать не стала. Отыскала в выцветшем блокнотике давно забытый рецепт, составила список продуктов – и помчалась в магазин. Она сегодня же испечет Митино любимое лакомство и отвезет ему на могилку.

Шла Галина, чтоб никого вокруг не видеть, очень быстро, опустив глаза долу. Полностью не абстрагируешься, но хотя бы многочисленные детские площадки на пути к продуктовому в поле зрения не попадают. Ночью прошел дождь, она ловко маневрировала между лужами... но вдруг взгляд споткнулся о неправильное. Человек. Мужчина, одетый с виду прилично, лежит прямо в грязи. На животе, уткнув лицо в ладони.

Первым желанием было просто пройти мимо. Но Галина тут же устыдилась своего порыва: Митя бы ее за такое равнодушие осудил. Она растерянно осмотрелась. Может, поблизости найдется страж порядка? Врач? Или хотя бы кто-то молодой, кто решительно бросится на помощь?

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

Хард – теннисный корт с жестким покрытием.

2

Акне – угри, воспаление сальных желез.

3

Какую миссию? (англ.)

4

Светский разговор (англ.).

5

Сексуальное домогательство.

Купить: https://tellnovel.com/litvinovy_anna-i-sergey/semeynoe-proklyatie

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)